

Еоргафия и компетенции извозчиков

Нейдет у меня из головы та вязкая беседа г-жи Простаковой, Митрофана, Правдина и Стародума из «Недоросля» о науках, в частности, об «описании земли», которое непонятно чему и служит. «Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж?», «Без наук люди живут и жили» — прилетело нам от г-жи Простаковой прямо в двадцать первый век!

«Образование сейчас никому не нужно, нужны компетенции» — максима для огромного количества сегодняшних школьников и даже их родителей. Можно ли с этим так легко смириться? Ясно отдавая себе отчет, что уже лет через двадцать не то что парикмахеры или токари, но и инженеры будут тарашить глаза при упоминании потревоженного выше Фонвизина, а также Фарадея, Бетховена, Тютчева или Неру, поневоле понуришь голову. Боюсь, окажется, что многие новоиспеченные носители компетенций вовсе «не читали Глинки и не слушали Шекспира», а про Цезаря знают только, что это салат. Не хотелось бы мне жить в такой стране...

Ведь что такое образование? Определений много, но мне близко широкое толкование этого понятия Дж. Кнеллером: «Образование — процесс или продукт формирования ума, характера или физических способностей личности... В техническом смысле образование — это процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие институты целенаправленно передает свое культурное наследие — накопленное знание, ценности и навыки — от одного поколения другому». То есть образование неотрывно от воспитания и культуры, оно должно служить формированию целостной личности и вручать ей солидный багаж для длинного и сложного путешествия в жизнь. Можно, конечно, путешествовать и налегке, подобно мотыльку, но при этом есть риск опалить крылья или вовсе погибнуть в пламени первой же оказавшейся на пути свечи. Но при этом не менее важно, чтобы солидный багаж на проверку не оказался «чемоданом без ручки».

Целью моих рассуждений не являются борьба за исключительно фундаментальное образование и принижение роли конкретных компетенций — это априори лишено всякого смысла в наше время и в ближайшем будущем, когда одно должно гармонично дополнять другое. Нужно не бросаться в крайности и помнить о главной цели образования — максимальная самореализация человека на благо обществу и себе самому. Так что современному Митрофанушке хочешь не хочешь придется и учить «еоргафию», и идти на курсы «извозчиков», чтобы воспользоваться преимуществами такого явления цифровой экономики, как каршеринг.

Проблеме гармонизации образования и приобретения конкретных навыков для цифровой экономики посвящена одна из статей этого выпуска, авторы которой рассматривают ее в широком контексте, апеллируя как к древним авторам, так и к современным исследованиям, и предлагают собственную концептуальную схему формирования таких компетенций.

Значимость культуры для выбора целей, путей и средств цивилизационного развития в современном мире подчеркивается в работе, обращающейся к творческому наследию выдающегося русского мыслителя А. С. Панарина.

В номер также включены статьи, посвященные медиа — одной из ключевых составляющих информационного общества, а также правовому регулированию в цифровую эпоху — проблеме, к которой мы давно не обращались. Совсем новые, а потому потенциально интересные для наших читателей темы — это машинный перевод и религиозный туризм в информационном обществе.

№ 3
2018

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

УЧРЕДИТЕЛИ:

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ

ОСНОВАН В 1989 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ЕРШОВА Татьяна
Викторовна — канд.
экон. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич (председатель) — канд. физ.-мат. наук, доц., акад. РИА
ОРЛОВ Степан Владимирович (зам. председателя) — канд. экон. наук
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна — д-р филос. наук, доц.
БОГДАНОВ Александр Владимирович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ВАРТАНОВА Елена Леонидовна — д-р филос. наук, проф.
ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна — д-р экон. наук
ВОЙСКУНСКИЙ Александр Евгеньевич — д-р психол. наук
ДЕЖИНА Ирина Геннадьевна — д-р экон. наук, проф.
ЕЛИЗАРОВ Александр Михайлович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич — д-р филос. наук, проф.
ИВАНОВ Алексей Дмитриевич — д-р экон. наук, чл. — кор. РАЕН
ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич — д-р филос. наук, проф.
КОГАЛОВСКИЙ Михаил Рувимович — канд. техн. наук, доц.
КОЛИН Константин Константинович — д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ
КРИСТАЛЬНЫЙ Борис Владимирович — канд. геол. — минерал. наук, проф., чл. — кор. МАИ
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна — д-р филос. наук, проф.
МЕНДКОВИЧ Андрей Семенович — д-р химических наук, ст. науч. сотрудник
МИРСКАЯ Елена Зиновьевна — д-р социол. наук
ОЛЕЙНИК Андрей Владимирович — д-р техн. наук, проф.
РАЙКОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф.
РУСАКОВ Александр Ильич — д-р хим. наук, проф.
СЕМЕНОВ Алексей Львович — д-р физ.-мат. наук, акад. РАН, действ. член РАО
СЕМЕНОВ Евгений Васильевич — д-р филос. наук, проф.
СЕРДЮК Владимир Александрович — канд. техн. наук, доц.
СМОЛЯН Георгий Львович — д-р филос. наук, проф.
СТРЕЛЬЦОВ Анатолий Александрович — д-р техн. наук, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ
ТАТАРОВА Галина Галеевна — д-р социол. наук, проф.
ЧЕРЕШКИН Дмитрий Семенович — д-р техн. наук, проф., акад. РАЕН
ШАПОШНИК Сергей Борисович
ЩУР Лев Николаевич — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

ДИЗАЙН-ПРОЕКТ:

КЕЛЕЙНИКОВ Иннокентий

ВЕРСТКА:

КАПУСТИН Дмитрий

Журнал зарегистрирован в Роспечати
(Per № 015 766 от 01.07.1999)

ISSN 1606-1330 (печ.), ISSN 1605-9921 (эл.)

Подписные индексы:

по каталогу Агентства «Роспечать» (красный) — 70264
по объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый) — 84668

Адрес редакции: 105062, Москва, ул. Макаренко, д. 2/21 стр. 1,
2 этаж, офис 8

Для подписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 716

Тел./факс: (495) 625-60-69, 625-41-24

Электронная почта: infosoc@iis.ru

Веб-сайт: www.infosoc.iis.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию
с редакцией.

Авторы несут ответственность за патентную чистоту, достоверность
и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических
данных, собственных имен, географических названий и прочих
сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих
открытой публикации. При любом использовании оригинальных
материалов ссылка на журнал обязательна.

**ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА**

**1 ДЕКАБРЯ 2015 ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В НОВЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,
РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ РФ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ДАННЫЙ СПИСОК С 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА.**

ЛЕГАЛЬНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Пара(-)Тайп

IN LEGAL USE

В макете журнала использованы
шрифты ООО НПП «ПараТайп»

Формат 70×100/16. Объем 4 п.л.
Печать офсетная. Бум. офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
«Лига-Принт»
Москва, ул. 12-я Парковая, д. 11/49
Тел.: (495) 465-5886

СОДЕРЖАНИЕ № 3 2018

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- 1 **Еорграфия и компетенции извозчиков**

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 4 ЕРШОВА Татьяна Викторовна, ЗИВА Светлана Валерьевна
Ключевые компетенции для цифровой экономики

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 21 МАЛАХОВ Вадим Александрович
Не остаться на задворках истории: Россия и математическое образование в информационном обществе

КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 28 БУНДИН Юрий Иванович
Прогностика Александра Панарина: трансцендентальные культурные категории и глобальный когнитивный континуум

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ

- 34 МОЛЧАНОВА Ольга Ильинична
Медиаконвергенция как процесс интеграции медийных инноваций в сетевое сообщество
- 41 ЕФАНОВ Александр Александрович
Информационные телепрограммы в формате «breaking news»: композиция, технология и особенности медиавосприятия

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО

- 47 ДМИТРИК Николай Андреевич
Пределы правового регулирования в цифровую эпоху

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 59 ГОЛЬДРЕЕР Михаил Маркович
Адаптивный контекстно-тематический машинный перевод

СПОРТ И ТУРИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 66 ФЕДОРОВА Марина Владимировна
Паломничество и религиозный туризм в информационном обществе

ИНФОРМАЦИЯ

- 72 **Abstracts**
- 75 **Наши авторы**

Ключевые компетенции для цифровой экономики

**ЕРШОВА Татьяна
Викторовна**

Кандидат экономических наук; директор Национального центра цифровой экономики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ЗИВА Светлана Валерьевна
Научный сотрудник Национального центра цифровой экономики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Обсуждается проблема переосмысления содержания образования в условиях массовой цифровой трансформации. Обосновывается необходимость дополнения базового профессионального или фундаментального образования надпрофессиональными навыками для успешной самореализации человека в быстро меняющемся и технологичном мире. Анализируются подходы к систематизации навыков, необходимых для цифровой экономики. Предлагается концептуальная схема развития таких навыков.

Ключевые слова:

человеческий капитал, образование, компетенции, навыки, компетентный подход, цифровая экономика.

Содержание образования

Содержание образования во все времена диктуется тем, что необходимо получить на выходе. Образованный человек — это человек, который имеет соответствующие своей эпохе знания, хорошо воспитан и высокоразвит. Образование само по себе имеет для человека большую ценность, и это хорошо понимали великие умы античности. Это подтверждает, например, беседа Сократа и Гиппократ в «Диалогах» Платона [I, XV, 312 b]:

— Но пожалуй, Гиппократ, ты полагаешь, что у Протагора тебе придется учиться иначе, подобно тому как учился ты у учителя грамоты, игры на кифаре или гимнастики? Ведь каждому из этих предметов ты учился не как будущему своему мастерству, а лишь ради своего образования, как это подобает частному лицу и свободному человеку.

— Конечно, — сказал Гиппократ, — мне кажется, что Протагорово обучение скорее такого рода.

Платон также транслирует нам мысль Сократа о том, что «с умом и образование, и воспитание приносят пользу, а без ума — вред» [I, XVII, 88 b].

Так, ум — познавательная и мыслительная (когнитивная) способность человека, его способность логически мыслить — является фундаментом для формирования человеческой личности через воспитание, образование, деятельность.

Современный homo sapiens sapiens, по-видимому, должен существовать в нескольких ипостасях, представляющих собой сложное сочетание: homo nobilis (хорошо воспитанный, благородный), homo disciplinatus (информированный,

обученный), homo eruditus (образованный, знающий), homo peritus (умелый, искусный).

Закон «Об образовании в Российской Федерации» гласит, что «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями». В этом законе также закреплено, что содержание профессионального образования и профессионального обучения должно обеспечивать получение квалификации [2, ст. 12, п. 1].

Таким образом, и древние философы, и наш современный российский закон однозначно рассматривают образование как важнейшую основу социального, культурного и профессионального развития человека. Составляющими образования мы можем назвать систему знаний, умений и навыков, а также общее развитие и социальный опыт, накопленный человечеством.

Развитие компетенций как часть образования

В основе формирования личности в российской высшей школе остается профессиональное, иногда фундаментальное образование. Но в современном мире, характеризующемся быстрыми и слабо предсказуемыми изменениями, базовое образование должно дополняться набором надпрофессиональных навыков (ключевых, сквозных компетенций), которые позволяют повысить эффективность профессиональной деятельности. Поэтому в России, как и во всем мире, идут процессы изучения и формирования ключевых компетенций, необходимых для успешной реализации человеком своего потенциала.

Главным вдохновителем усилий в этой области является в первую очередь частный сектор, но в более широком смысле таковыми являются работодатели из всех секторов экономики. При этом, как отмечает декан экономического факультета МГУ профессор А. А. Аузан, важно учитывать запросы не отстающих, а глобально конкурентоспособных работодателей, чтобы не потащить образовательные учреждения «назад — к обучению профессиям, которые если не умирают, то, во всяком случае, сильно деформируются». Необходимо также принимать во внимание, что «образование производит не только умения, а еще ценности и поведенческие установки» [3].

Развитие и поддержание человеческого капитала представляет собой существенный фактор для общества с точки зрения обеспечения процветания, социальной сплоченности и безопасности, а также для решения проблем, возникающих во все более взаимозависимом, меняющемся и конфликтном мире. Квалифицированная и адаптивная рабочая сила, обладающая адекватными времени и культуре компетенциями, ценностями и установками, важна по двум причинам:

- экономической, поскольку служит повышению производительности и конкурентоспособности на рынке, минимизации безработицы и созданию инновационной среды, столь необходимой в условиях повсеместной цифровой трансформации;
- социальной, поскольку способствует усилению участия граждан в жизни общества, укреплению прав человека и автономии, которые являются противовесами глобальному неравенству возможностей и маргинализации.

Сказанное выше неизбежно ставит в центр внимания вопросы о целях образования и обучения. Учебная программа завтрашнего дня стала излюбленной темой выступлений политиков и ядром повседневных усилий, направленных на реформирование образования. Концепция ключевых компетенций стала жизненно важным компонентом лексики директивных органов в области образования и реформаторов, а вопрос оценки и измерения результатов образовательных процессов — одним из самых актуальных в мире.

Компетентностный подход — один из центральных пунктов Болонского процесса, направленного на сближение и гармонизацию систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Логика такого подхода означает отказ от практики трансляции знаний — учащиеся должны сознательно взять на себя ответственность за собственное обучение. Сегодня во всем мире в центре внимания находится вопрос о новом содержании образования. Под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития в 2005 году началась реализация международной междисциплинарной программы «Определение и выбор компетенций: теоретические и концептуальные основы» [4].

В нашей стране переход на компетентностно-ориентированное образование был подтвержден в 2005 году решением Коллегии Минобрнауки России «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации». А с 1 сентября 2011 года все образовательные учреждения России, имеющие государственную аккредитацию, перешли на новый Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), закрепивший необходимость увеличения количества общекультурных и надпрофессиональных (ключевых, сквозных) компетенций.

Поиск набора компетенций

В настоящее время эксперименты по формированию компетенций XXI века активно проводятся в разных странах. В аналитическом обзоре благотворительного фонда Сбербанка «Вклад в будущее» и Института образования НИУ ВШЭ [5, с. 9–13] представлен передовой опыт Канады, Финляндии, КНР и Республики Кореи.

Канадская модель включает 6 групп ключевых компетенций:

- 1) критическое мышление;

- 2) креативность + инновационность + предпринимательство;
- 3) коммуникация;
- 4) кооперация;
- 5) воспитание характера
(настойчивость, стойкость, гибкость, ценности личностного роста);
- 6) гражданская грамотность как способность конструктивно действовать в переменчивых и неоднозначных обстоятельствах.

Финляндия активно участвует в международных проектах по тематике компетенций XXI века, в том числе в масштабном проекте «Оценка и развитие навыков XXI века»,¹ в котором навыки сгруппированы в 4 категории:

- 1) способы мышления: креативность и инновационность; критическое мышление, решение проблем, принятие решений; умение учиться, знания о когнитивных процессах;
- 2) способы работы: коммуникация и кооперация (работа в команде);
- 3) инструменты для работы: информационная грамотность, ИКТ-грамотность;
- 4) навыки для повседневной жизни: гражданская грамотность (на национальном и глобальном уровне); навыки для жизни и карьеры; персональная и социальная ответственность (в том числе культурная осведомленность и компетентность).

Китайская образовательная система преследует цель перейти от простого обучения к осмысленному, когда на доказательной основе определяется, что изучать (знания и навыки), как изучать (процессы и методы) и каковы результаты обучения (способности и целостность личности на выходе).

В Республике Корея выделяются 6 ключевых сквозных «компетенций XXI века»:

- 1) управление собой;
- 2) работа со знаниями и информацией;
- 3) креативное мышление;
- 4) эстетика и эмоциональность;
- 5) коммуникация;
- 6) гражданская грамотность.

Российский Атлас новых профессий [6], разработанный при содействии Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления Сколково, выделяет 11 таких надпрофессиональных навыков:

¹ The Assessment and Teaching of 21st Century Skills – ATC21S

- 1) экологическое мышление;
- 2) управление проектами;
- 3) системное мышление;
- 4) работа с людьми;
- 5) работа в условиях неопределенности;
- 6) программирование / робототехника / искусственный интеллект;
- 7) навыки художественного творчества;
- 8) мультиязычность и мультикультурность;
- 9) межотраслевая коммуникация;
- 10) клиентоориентированность;
- 11) бережливое производство.

Проектированием новых компетенций, востребованных в условиях цифровой экономики, а также выявлением трансформирующихся компетенций занимается проект FutureSkills [7] — одна из приоритетных инициатив движения «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia), направленная на опережающую подготовку кадров в ответ на стремительные глобальные изменения в сфере технологий и производства. В задачи проекта входит, помимо прочего, проведение исследований и выработка согласованной повестки на подготовку кадров по новым профессиям, разработка образовательных программ на основе стандартов WorldSkills с возможностью последующего международного признания компетенций.

Говоря о необходимых надпрофессиональных навыках для российских граждан, не стоит забывать о критическом мышлении, которое является неотъемлемой частью системы развития ключевых компетенций в канадской, финской и других зарубежных моделях. Представителям поколения «Z»², или «центенниалам» в любой стране свойственны многозадачность и «клиповость» мышления, зависимость от различных цифровых и мобильных устройств, межличностное взаимодействие до большой степени через социальные сети, использование Всемирной паутины как основного источника информации. В этих условиях необходимо изменение стиля преподавания в школах и вузах в сторону развития навыков поиска, анализа и переработки информации для получения качественных знаний и противодействия манипуляциям [8].

² Поколение людей, рожденных в век развития цифровых технологий и воспринимающих их как естественную и неотъемлемую часть своей жизни.

Структурирование компетенций

Попытки систематизировать ключевые компетенции для цифровой экономики предпринимаются в течение последних лет различными организациями и экспертными группами. В данном разделе представлены некоторые из них, способные, по мнению авторов, в совокупности составить основу концептуальной схемы развития ключевых компетенций для цифровой экономики.

В Табл. 1 представлена концептуальная схема, разработанная Советом по информационно-коммуникационным технологиям в Канаде и включающая 5 групп навыков и 25 конкретных навыков, распределенных по этим группам.

Данная схема помимо цифровых и информационных навыков включает необходимые для жизни и работы в условиях цифровой экономики базовые, деловые и межличностные, предпринимательские навыки. Если считать оправданным разделение деловых и предпринимательских навыков, а также очевидное пересечение конкретных навыков из различных групп (например, 2.3 и 5.5, 3.3 и 5.2), то в группу 5, возможно, следовало бы добавить все навыки из группы 2.

В совместном докладе ЮНЕСКО и Международного союза электросвязи (МСЭ), опубликованном в сентябре 2017 года [10; 11], представлена концептуальная схема цифровых навыков, необходимых для жизни и работы, дополненная «нецифровыми» (см. Табл. 2).

1. Базовые навыки	2. Деловые и межличностные навыки	3. Цифровые и технические навыки	4. Информационные навыки	5. Предпринимательские навыки
1.1. Умение читать и писать	2.1. Коммуникация: · устная и письменная · межличностная / социальная	3.1. Компьютерная и ИКТ- грамотность	4.1. Обработка информации	5.1. Цифровое предпринимательство
1.2. Умение считать	2.2. Креативность, инновативность	3.2. Использование офисного ПО для увеличения производительности	4.2. Грамотность в области использования данных и промежуточная аналитика данных	5.2. Твердое владение технологиями SMAAC
1.3. Умение работать с документами	2.3. Навыки в области продаж / маркетинга	3.3. Использование технологий SMAAC ³	4.3. Информационная безопасность и конфиденциальность (кибербезопасность)	5.3. Лидерство
	2.4. Бизнес-перспектива	3.4. Использование отраслевых или корпоративных программ	4.4. Управление вниманием	5.4. Навыки инвестирования
	2.5. Навыки управления	3.5. Цифровые коммуникации, сотрудничество в проектах		5.5. Навыки в области продаж, маркетинга, нетворкинга и развития бизнеса
	2.6. Постоянное обучение	3.6. Владение технологиями индустриального интернета вещей		5.6. Навыки выведения продуктов и услуг на рынок

Табл. 1. Концептуальная схема компетенций в цифровой экономике Совета по информационно-коммуникационным технологиям (Канада).

Источник: [9, с. 21–24].

³ SMAAC = Social, Mobile, Apps, Analytics, Cloud (социальные сети, мобильная связь, приложения, аналитика, облачные технологии).

Группы навыков				
Навыки	<p>1. Базовые функциональные навыки, необходимые для получения доступа к цифровым технологиям и для работы с ними</p> <p>1.1. Умение обращаться с устройствами</p> <p>1.2. Способность зайти в интернет, завести аккаунт, найти нужную информацию или ресурс в Сети</p> <p>1.3. Понимание основных ИКТ-концептов</p> <p>1.4. Способность выбрать нужные настройки (сервисов и устройств)</p> <p>1.5. Умение работать с файлами</p> <p>1.6. Психомоторные навыки (печать на клавиатуре) и навыки жестикуляции (для работы с сенсорными экранами)</p> <p>1.7. Способность понимать визуальные «подсказки», встроенные в софт, приложения и пользовательский контент</p>	<p>2. Стандартные цифровые навыки, необходимые для осмысленного и плодотворного использования цифровых технологий</p> <p>2.1. Умение работать с полученными данными, оценивать их источники и релевантность</p> <p>2.2. Умение организовывать и хранить информацию</p> <p>2.3. Умение обращаться с персональными данными</p> <p>2.4. Умение защитить свои устройства и информацию от вирусов и злоумышленников</p> <p>2.5. «Творческие» навыки, помогающие полноценно существовать в цифровом обществе и эффективно пользоваться онлайн-приложениями и услугами – мессенджерами, финансовыми сервисами, соцсетями, порталами госуслуг и т.д.</p> <p>2.6. Способность создавать цифровой контент (тексты, изображения)</p> <p>2.7. Способность решать возникшие проблемы с помощью цифровых инструментов</p> <p>2.8. Знание основ авторского права и основных национальных законодательных актов, регулирующих использование интернета</p>	<p>3. Продвинутое цифровые навыки, необходимые для расширенного и трансформирующего использования технологий</p> <p>3.1. Программирование</p> <p>3.2. Разработка приложений</p> <p>3.3. Администрирование сетей</p> <p>3.4. Аналитика данных</p> <p>3.5. Другие...</p>	<p>4. «Навыки XXI века»</p> <p>4.1. Умение работать в команде</p> <p>4.2. Нетворкинг</p> <p>4.3. Критическое мышление</p> <p>4.4. Творческий подход</p> <p>4.3. Креативность</p> <p>4.3. Предприимчивость</p>

Таб. 2. Концептуальная схема цифровых навыков для жизни и работы (ЮНЕСКО, МСЭ).

Источники: [10, 11].

Недостатком данной схемы можно считать выраженный акцент на цифровых навыках, которых явно недостаточно для успешного развития человека в современном мире, что демонстрирует включение в нее *sine quomodo* «навыков XXI века», перечень которых, однако, нуждается в значительном расширении.

Области компетенций					
Компетенции	1. Грамотность в области информации и данных	2. Коммуникация и сотрудничество	3. Создание цифрового контента	4. Безопасность	5. Решение проблем
	1.1. Просмотр, поиск и фильтрация данных, информации и цифрового контента	2.1. Взаимодействие с помощью цифровых технологий	3.1. Разработка контента – создание и редактирования цифрового контента в разных форматах	4.1. Защита устройств и цифрового контента, а также понимание рисков и угроз в цифровых средах	5.1. Решение технических проблем при работе с устройствами и использовании цифровых
	1.2. Оценка данных, информации и цифрового контента	2.2. Совместное использование различных ресурсов с помощью цифровых технологий	3.2. Интеграция цифрового контента в существующую совокупность знаний и его переработка для создания нового, оригинального и релевантного контента и знаний	4.2. Защита персональных данных и конфиденциальность	5.2. Определение потребностей и технологических решений для их удовлетворения путем выявления, оценки, выбора и использования цифровых инструментов, настройки цифровых сред для личных нужд
	1.3. Управление данными, информацией и цифровым контентом	2.3. Участие в жизни общества посредством цифровых технологий, государственных и частных цифровых услуг	3.3. Авторские права и лицензии – понимание того, как они применяются к данным, цифровой информации и контенту	4.3. Защита здоровья и благополучия, навыки парирования рисков для здоровья и угроз физическому и психологическому благополучию при использовании цифровых технологий	5.3. Творческое использование цифровых технологий для производства знаний и инноваций, разрешения проблемных ситуаций в цифровых средах
		2.4. Сотрудничество с использованием цифровых технологий для совместного создания данных, ресурсов и знаний	3.4. Программирование для решения конкретной проблемы или выполнения конкретной задачи	4.4. Защита окружающей среды на основе учета экологического воздействия цифровых технологий и их использования	5.4. Идентификация пробелов в цифровых компетенциях для улучшения и актуализации собственных навыков в процессе цифровой эволюции помощи другим, а также для саморазвития
		2.5. Сетевой этикет ⁴			
		2.6. Управление цифровой идентичностью			

Таб. 3. Концептуальная схема цифровых компетенций для граждан ЕС.

Источник: [12, с. 23–43].

В каком-то смысле указанный недостаток преодолевается в достаточно обстоятельной «Концептуальной схеме цифровых компетенций для граждан» (Digital Competence Framework for Citizens, DigComp), представленной в научном и стратегическом отчете объединенного исследовательского центра под эгидой Европейской комиссии [12]. В классификации DigComp выделяются 5 основных областей компетенций и 21 собственно компетенция (см. Табл. 3).

При этом для каждой компетенции DigComp определяет 4 уровня квалификации, каждый из которых имеет 2 подуровня:

⁴ Сетевой этикет (нетикет) – поведенческие нормы и ноу-хау при использовании цифровых технологий и взаимодействии, адаптация собственной коммуникационной стратегии к конкретной аудитории, осознание культурного и поколенческого разнообразия в цифровых средах.

- I. Базовый уровень:
- 1) выполнение определенных операций в конкретной области компетенций под руководством специалиста;
 - 2) самостоятельное выполнение определенных операций в конкретной области компетенций и привлечение специалиста в случае необходимости.
- II. Промежуточный уровень:
- 3) самостоятельное выполнение определенных операций в конкретной области компетенций и непосредственное решение возникающих задач;
 - 4) самостоятельное выполнение определенных операций в конкретной области компетенций в соответствии с собственными потребностями и решение для этого как четко определенных, так и нестандартных задач.
- III. Продвинутый уровень:
- 5) руководство другими при выполнении определенных операций в конкретной области компетенций, демонстрация возможностей различных технологий, предложение различных способов решения задач;
 - 6) выполнение определенных операций в конкретной области компетенций в соответствии с собственными потребностями и потребностями других, в том числе в сложных обстоятельствах.
- IV. Высокоспециализированный уровень:
- 7) определение путей решения сложных проблем в конкретной области компетенций в условиях ограниченной информации, саморазвитие через отслеживание новых разработок, внесение собственного вклада в профессиональную деятельность и развитие цифровых компетенций у других;

Области компетенций		
Компетенции	0. Основы аппаратного и программного обеспечения	6. Компетенции, относящиеся к карьере
	0.1. Базовые знания в области использования аппаратных средств (включение / выключение, зарядка, блокировка)	6.1. Знания и навыки, необходимые для использования специализированных аппаратных / программных средств в определенной области деятельности (например, инженерное дело, обучение с помощью онлайн-овых или комбинированных учебных курсов)
	0.2. Базовые знания в области использования программных средств (управление пользовательскими аккаунтами, логинами и паролями, настройками конфиденциальности и т.д.)	

Таб. 4. Дополнения Института статистики ЮНЕСКО к схеме DigComp.

Источник: [13].

- 8) решение комплексных многофакторных проблем в конкретной области компетенций, нахождение возможностей для саморазвития, следование в русле цифровой эволюции, предложение сообществу новых идей и процессов.

Ценность данного подхода состоит в том, что каждый подуровень подробно расписан для каждой компетенции и для него приведены соответствующие примеры из практики. Однако эта система опирается именно на использование цифровых технологий и не затрагивает таких важных аспектов, как когнитивные и личностные качества, гражданская грамотность и ценностные установки.

Дополнения к схеме DigComp предложены Институтом статистики ЮНЕСКО [13], см. Табл. 4.

Как видно из приведенной таблицы, дополнения также касаются лишь ИТ-составляющей концептуальной схемы ключевых компетенций.

Многопрофильный аналитический центр НАФИ рассматривает навыки для цифровой экономики в контексте понятия «цифровая грамотность», которое интерпретируется в комплексном, высокоуровневом смысле как «набор знаний, навыков и установок, позволяющий человеку эффективно решать задачи в цифровой среде».

Центр провел первое в России комплексное измерение уровня цифровой грамотности и опубликовал в 2018 году аналитический отчет [14]. Данное измерение основано на системе, предложенной в рамках саммита «Группы двадцати» (G20) в апреле 2017 года [15]: цифровая грамотность оценивается по пяти размерностям, внутри каждого из которых выделяется 3 аспекта — знания, навыки и установки (Табл. 5).

В аналитическом отчете НАФИ также поднимается важная проблема роли социальных институтов в развитии цифровой грамотности — системы образования (в том числе дополнительного образования), государства и медиа

Размерность	Аспект	Знания	Навыки	Установки
Информационная грамотность		Понимание роли и степени влияния информации на жизнь человека	Умение искать и находить информацию в разных ресурсах	Понимание пользы и вреда информации
Компьютерная грамотность		Понимание технических составляющих компьютера и принципов их взаимодействия	Легкость в использовании цифровых устройств вне зависимости от платформ / интерфейса	Понимание «предназначения» компьютера и целей его использования
Медиаграмотность		Понимание многообразия источников информации, форм и каналов ее распространения	Умение искать новости в разных источниках, проверять их полноту и достоверность	Критичное отношение к сообщениям, новостям
Коммуникативная грамотность		Понимание отличия цифровых коммуникаций от живого общения	Умение использовать современные средства коммуникации (социальные сети, мессенджеры)	Осознание наличия особой этики и норм общения в цифровой среде
Отношение к технологическим инновациям		Понимание технологических трендов	Готовность работать с новыми и современными технологиями (приложениями, гаджетами)	Понимание пользы технологических инноваций как для развития общества, так и для себя лично

Таб. 5. Подход G20 к измерению цифровой грамотности.

Источник: [14, 15, с. 5].

Таб. 6. Концептуальная схема развития ключевых компетенций для цифровой экономики

Источник: Авторы на основе использования [4-7, 9-15].

Способы мышления	Способы работы	Навыки для работы			
		Деловые навыки	Коммуникативные навыки	Информационные навыки	Цифровые / технические навыки
Настойчивость Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СО	Коммуникация Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СМИ, СО	Лидерство Кол, Вуз, Раб, СМИ, СО	Навыки межличностной коммуникации Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО	Навыки поиска и фильтрации инфор- мации Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ	Компьютерная и ИКТ-грамот- ность <ul style="list-style-type: none"> • умение обращаться с устрой- ствами Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • понимание основных ИКТ- концептов Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ • способность выбрать нужные настройки (устройств и сервисов) Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • умение работать с файлами Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ
Стойкость Сем, Гос, Раб, СО	Кооперация Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СО	Умение работать в условиях неопреде- ленности Кол, Вуз, Раб, СМИ, СО	Навыки межотраслевой коммуникации Кол, Вуз, Раб, СО	Навыки оценки дан- ных, их источников и релевантности (включая медиагра- мотность) Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ	Стандартные цифровые навыки <ul style="list-style-type: none"> • управление цифровой / сетевой идентичностью Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • умение защитить свои устройства и информацию от вирусов и злоумышленников Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ • использование офисного ПО Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • использование корпоратив- ного ПО Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ
Гибкость Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СО	Креативность, творческий подход Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО	Навыки управления <ul style="list-style-type: none"> • людьми Кол, Вуз, Кур, Раб, СО • проектами Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • вниманием Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО 	Навыки цифровых коммуникаций <ul style="list-style-type: none"> • нетворкинга Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • совместного исполь- зования ресурсов Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ 	Навыки обработки информации Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ	Продвинутые цифровые навыки <ul style="list-style-type: none"> • программирование Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • разработка приложений Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • администрирование сетей Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • использование отраслевых программ Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ • владение технологиями искусственного интеллекта, индустриального интернета вещей и др., робототехникой Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ

Способы мышления	Способы работы	Навыки для работы			
		Деловые навыки	Коммуникативные навыки	Информационные навыки	Цифровые / технические навыки
Умение принимать решения и решать проблемы <i>Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СО</i>	Инновационность <i>Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	Навыки кооперации <ul style="list-style-type: none"> • умение выстраивать партнерские отношения <i>Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СО</i> • умение работать в команде <i>Сем, Шк, Кол, Вуз, Раб, СО</i> 		Навыки организации и хранения данных <i>Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i>	Способность решать возникшие проблемы с помощью цифровых инструментов <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>
Критическое мышление <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Раб, СМИ, СО</i>	Предприимчивость <i>Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	Навыки в области развития бизнеса <ul style="list-style-type: none"> • продаж и маркетинга <i>Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i> • выведения продуктов и услуг на рынок <i>Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i> • инвестирования <i>Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i> 		Навыки анализа и использования данных <i>Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i>	Творческое использование цифровых технологий для производства знаний и инноваций <i>Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>
Социальная ответственность <ul style="list-style-type: none"> • гражданская грамотность <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО</i> • экологическое мышление <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО</i> 	Клиентоориентированность <i>Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i>	Навыки цифрового предпринимательства <i>Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i>		Способность создавать цифровой контент <i>Сем, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	Знание сетевого этикета <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>
Нацеленность на личный рост <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Раб, СМИ, СО</i>	Бережливое производство <i>Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	Идентификация пробелов в цифровых компетенциях для актуализации собственных навыков и помощи другим <i>Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СО, ИЭ</i>		Навыки интеграции цифрового контента в существующую совокупность знаний <i>Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	Участие в жизни общества с помощью цифровых технологий <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>
Умение учиться, постоянное обучение <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО</i>				Навыки использования цифровых приложений и услуг <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	

Способы мышления	Способы работы	Навыки для работы			
		Деловые навыки	Коммуникативные навыки	Информационные навыки	Цифровые / технические навыки
Правовое мышление <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО</i>				Правовая грамотность <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	
Позитивное / конструктивное отношение к технологическим инновациям <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>				• знание основ авторского и лицензионного права <i>Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	
Эстетика и эмоциональность <i>Сем, Шк, СМИ, СО</i>				• знание правовых актов, регулирующих использование интернета <i>Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	
Мультиязычность и мультикультурность <i>Сем, Гос, Шк, Кол, Вуз, СМИ, СО</i>				• умение обращаться с персональными данными <i>Гос, Шк, Кол, Вуз, Кур, Раб, СМИ, СО, ИЭ</i>	

[14, с. 60–74]. В комбинации с вышеизложенными подходами это помогает создать основу для формирования концептуальной схемы развития ключевых компетенций для цифровой экономики.

Концептуальная схема развития ключевых компетенций для цифровой экономики (v. 1.0)

Обобщая представленные подходы к систематизации ключевых компетенций для цифровой экономики, авторы предлагают следующую концептуальную схему развития таких компетенций (Табл. 6).

В качестве основных групп компетенций выделены три: способы мышления, способы работы и навыки для работы. Последние, в свою очередь, подразделяются на четыре группы: деловые, коммуникативные, информационные, цифровые / технические.

Авторы не ставили перед собой задачу в рамках данной статьи подробно структурировать каждую из групп компетенций. До некоторой степени детализированы навыки для работы, однако это сделано лишь на уровне номинации, необходимом и, по нашему мнению, достаточном для формирования концептуальной схемы. Такие базовые навыки, как умение читать, писать и считать, в схему не включены, так как это представляется излишним в случае с Россией, где ими владеет все население.

Важным элементом представленной работы является идентификация возможных источников получения каждой из перечисленных компетенций. Таких источников выделено десять: семья (Сем), государство (Гос), школа (Шк), колледж (Кол), вуз (Вуз), курсы (Кур), работа (Раб), СМИ (СМИ), самообразование (СО), индивидуальный эксперт (ИЭ). Для каждой компетенции в предложенной схеме определен набор источников ее получения.

Анализ применимости перечисленных источников к приобретению конкретных компетенций в рамках данной схемы показывает, что наиболее весомыми источниками можно считать самообразование (13,4%), колледж и вуз (по 13,1%), а также работу (13%). Удельный вес таких источников, как школа (10,7%), обучающие курсы (10,5%), индивидуальные эксперты (8,8%), семья (6,9%), СМИ (6,7%) и государство (3,8%) меньше, но это ни в коей мере не снижает их значимости в системе формирования компетенций для цифровой экономики. Роль государства рассматривается в настоящей работе лишь в контексте создания соответствующей политической, правовой и деловой сред и реализации государственных программ и проектов, хотя в действительности его значение для развития необходимых компетенций для цифровой экономики намного выше за счет поддержки государственных учебных заведений всех уровней и обучающих курсов, а также предоставления большому количеству людей работы — а эти источники рассматриваются здесь как самостоятельные.

Представленная концептуальная схема, не претендуя на полноту и оптимальность, дает, тем не менее, представление о широте и комплексности системы компетенций, необходимых человеку для успешной самореализации в современном быстро меняющемся и технологичном мире. Некоторые из этих компетенций относятся к более сложной мировоззренческой сфере, поэтому называются здесь «способами» мышления и работы, однако именно они составляют основу формирования полноценной личности, которая может способствовать динамичной, безопасной и полезной для человеческого общества и природы цифровой трансформации.

Система формирования ключевых компетенций

Изложенное выше свидетельствует о том, что выявление и систематизация ключевых компетенций XXI века находятся в настоящее время на начальной стадии и требуют разработки определенной политики на государственном уровне и продолжения исследований.

В России сделаны первые важные шаги в этом направлении. Так, в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [16] включен федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», задачей которого является обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. В рамках решения этой задачи до конца 2021 предусмотрены, помимо прочего, разработка и апробация:

- концепции базовой модели компетенций и ключевых компетенций, обеспечивающих эффективное взаимодействие бизнеса, образования и общества в условиях цифровой экономики;

- механизма независимой оценки компетенций граждан в рамках системы образования и рынка труда в условиях цифровой экономики;
- формата использования персональных профилей компетенций граждан и траекторий их развития.

На последнем пленарном заседании XI съезда Российского союза ректоров академик В. А. Садовничий подчеркнул: «Система информационного уклада или информационной революции имеет самое непосредственное отношение к нашей основной деятельности. Сегодня нельзя говорить о развитии образования, не учитывая этого фактора. Мы живем в уникальный период истории человечества. У математиков есть термин для его описания — это сингулярность. Речь идет о все более ускоряющихся и все менее предсказуемых изменениях технологической и социальной реальности. Окружающая нас среда становится все более цифровой... На наших глазах кардинально меняется сама философия и даже идеология образования, чему учить, для чего учить. Ведь мы порой не знаем, какие профессиональные знания или какие навыки понадобятся нашим будущим студентам, поколению «Z», которое с детства прекрасно адаптировано к современной технологической среде» [17].

Недавнее исследование компетенций для цифровой эры, проведенное под эгидой ОЭСР в 31 стране [18], показало, что на рынках труда сегодня сильно востребованы самые разные навыки — базовые, стандартные и продвинутые, когнитивные и некогнитивные, причем это верно для организаций любого типа и масштаба и для навыков, сформированных на любом уровне образования.

В отраслях, интенсивно использующих цифровые технологии, особую важность имеют наборы, или «пакеты» компетенций: например, работники, имеющие хорошие базовые навыки для выполнения конкретных задач, получают надбавку к заработной плате, если при этом еще и обладают навыками управления и коммуникации.

Понимание того, какие компетенции дают высокую отдачу на рынке труда, также важно для решения проблем преодоления неравенства. Если потребность в определенных компетенциях и наборах компетенций превышает предложение, то вознаграждение за их обладание будет расти. Дефицит компетенций может легко привести к росту неравенства в оплате труда и даже к росту безработицы. Необходимо также принимать во внимание факт ускорения цифровой трансформации применительно к отраслям и профессиям. Чем раньше проводится обучение, тем ниже затраты на него, поэтому выявление основных компетенций, необходимых в условиях всеобщей цифровой трансформации, является важным не только с точки зрения регулирования рынка труда, но и с точки зрения развития государственной политики, сферы образования, исследовательской сферы.

В этой связи органы власти должны позаботиться о вооружении своих граждан широким спектром компетенций и обеспечить устойчивость этого процесса. Результатами реализации упомянутого выше федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» к концу 2020 года должны стать обеспечение возможности использования профилей компетенций и персональных траекторий развития всеми категориями граждан РФ, формирование и внедрение

в систему образования требований к ключевым компетенциям цифровой экономики для каждого уровня образования.

Образовательные организации от школы до университета должны активно включиться в процессы изучения и формирования современных ключевых компетенций, сделав это частью своих программ развития. Система высшего и среднего профессионального образования должна начать работать в интересах подготовки и адаптации граждан к условиям цифровой экономики и подготовки компетентных специалистов для цифровой экономики, а система дополнительного профессионального образования — обеспечивать граждан страны компетенциями цифровой экономики.

Не менее важную роль здесь должны играть научные организации и частные компании, включая соответствующие темы в планы своих исследований. Требуется дальнейшего постоянного развития система дополнительного образования, в том числе различных обучающих курсов — государственных и частных, онлайн-овых и комбинированных, комплексных и специальных. По этой причине важно своевременно разрабатывать и адаптировать учебные программы, способствующие развитию у работников особых компетенций, пользующихся большим спросом.

Критически важной представляется роль семьи, работодателей и СМИ, от которых зависит формирование адекватного мировоззрения, отношения к цифровым технологиям и особенностям цифровой экономики.

Данная работа выполнена согласно плану фундаментальных научных исследований в рамках государственного задания МГУ, части 2, на 2018 год (ПННИ «Проблемы цифровой экономики», тема «Выявление необходимых компетенций в цифровой экономике с целью модернизации курсов подготовки магистров в МГУ»).

ЛИТЕРАТУРА

1. ПЛАТОН. **Диалоги. XV. Протагор. Сократ и его друг. Диалог Сократа и Гиппократы;** XVII. Менон, Сократ, раб Менона, Анит.
2. **Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»** от 29.12.2012 № 273-ФЗ.
3. **Борьба системы с одаренностью: почему в процессе образования российские учащиеся деградируют.** Интервью А. А. Аузана Русфонду. 31.08.2018. URL: <https://www.rusfond.ru/issues/683>, последнее обращение 04.09.2018.
4. **Definition and selection of competencies: theoretical and conceptual foundations (DeSeCo).** URL: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/definitionandselectionofcompetenciesdeseco.htm>, последнее обращение 30.08.2018.
5. **Компетенции 21 века в национальных стандартах школьного образования: Аналитический обзор в рамках проекта подготовки международного доклада «Ключевые компетенции и новая грамотность: от деклараций к реальности».** М.: Благотворительный фонд Сбербанка «Вклад в будущее», Институт образования НИУ ВШЭ, сентябрь 2017. 14 с.
6. **Атлас новых профессий.** URL: <http://atlas100.ru/future/>, последнее обращение 31.08.2018.
7. **FutureSkills.** URL: <https://worldskills.ru/nashi-proekty/futureskills.html>, последнее обращение 31.08.2018.
8. Т.А. МАКАРОВА. **Содержание образования для поколения «Z»: каким ему быть?** // Ценности и смыслы, 2015. С. 116–120.
9. **Skills in the Digital Economy: Where Canada Stands and the Way Forward** / The Information and Communications Technology Council (ICTC). 2016. 49 p.
10. **Digital skills for life and work / Broadband Commission Working Group on Education.** September 2017. 124 p. URL: <http://www.broadbandcommission.org/documents/publications/wg-education-report2017.pdf>, последнее обращение 31.08.2018.
11. В. РЯБОВА. **Вышел доклад совместной комиссии ЮНЕСКО и МСЭ о цифровых навыках, необходимых «для жизни и работы».** D-russia.ru, 18.10.2017. URL: <http://d-russia.ru/vyshel-doklad-sovmestnoj-komissii-yunesko-i-mse-o-tsifrovyyh-navyках-neobhodimyyh-dlya-zhizni-i-raboty.html>, последнее обращение 31.08.2018.
12. S. CARRETERO, R. VUORIKARI, Y. PUNIE. **The Digital Competence Framework for Citizens: with eight proficiency levels and examples of use.** Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 22 (44) p.
13. **A Global Framework to Measure Digital Literacy** / Manos Antoninis, Silvia Montoya; UNESCO UIS. URL: <http://uis.unesco.org/en/blog/global-framework-measure-digital-literacy> (24.03.2018), последнее обращение 03.09.2018.
14. **Цифровая грамотность для экономики будущего** / Баймуратова Л. Р., Долгова О. А., Имаева Г. Р. и др.; Аналитический центр НАФИ. — М.: Издательство НАФИ, 2018. 86 с.

15. **Bridging the Digital Divide: Measuring Digital Literacy** / K. Chetty, Q. Liu, L. Wenwei et al. G20 Insights. Policy area: Digitalization. April 2017. URL: http://www.g20-insights.org/policy_briefs/bridging-digital-divide-measuring-digital-literacy/, последнее обращение 01.09.2018
16. **Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»** (по состоянию на 31.08.2018).
17. **Стенографический отчет о пленарном заседании съезда Российского союза ректоров**. Санкт-Петербург, 26 апреля 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57367>, последнее обращение 31.08.2018.
18. GRUNDKE, R., ET AL. **Which skills for the digital era?: Returns to skills analysis**. Paris: OECD Publishing, 2018. (OECD Science, Technology and Industry Working Papers, No. 2018/09). URL: <https://doi.org/10.1787/9a9479b5-en>, последнее обращение 31.08.2018.

«Цифровое право» станет частью гражданского

Комитет Госдумы по госстроительству намерен поддержать в первом чтении инициативу, закрепляющую в Гражданском кодексе РФ базовые нормы в сфере цифровой экономики. Это поможет регулировать и развивать рынок новых объектов экономических отношений, которые используются только онлайн (токены, криптовалюты), полагают авторы законопроекта. Однако законным средством платежа цифровые деньги пока не станут. Эксперты называют криптовалюту «перспективным» объектом, который важно включить в правовое поле.

Проект поправок в Гражданский кодекс был внесен в Госдуму спикером Вячеславом Володиным и главой комитета по госстроительству Павлом Крашенинниковым в марте 2018 года. Ранее президент Владимир Путин поручил правительству и Центробанку определить статус криптовалют: при всех рисках необходимо использовать преимущества новых технологических решений в банковской сфере, отметил он. Цель законопроекта — создать правовую базу для оборота цифровых прав, совершения и исполнения сделок с ними, пояснил «Известиям» Павел Крашенинников. — Мы устраняем существующие риски использования цифровых объектов в целях вывода активов в нерегулируемую цифровую среду — например, для легализации доходов, полученных преступным путем, или для вывода из-под обращения взыскания при банкротстве, либо для финансирования терроризма, — рассказал депутат.

Из-за отсутствия регламентации рынка криптовалюты и токенов участники сделок с ними могут оказаться незащищенными, говорится в пояснительной записке к законопроекту. Без правовой защиты оказываются и третьи лица — например, кредиторы или наследники. При этом цифровые деньги не становятся законным средством платежа, следует из законопроекта. Необязательно принимать их к оплате, зачислять на счета и вклады или переводить на территории РФ. В перспективе они будут использоваться в качестве платежного средства «в контролируемых объемах». Условия будут впоследствии установлены отдельным законом, разработанным с участием Центробанка, Минфина и Минэкономразвития.

<https://www.comnews.ru/content/113070/2018-05-16/cifrovoe-pravo-stanet-chastyu-grazhdanskogo>

Не остаться на задворках истории: Россия и математическое образование в информационном обществе

Статья рекомендована А.М. Елизаровым 05.06.2018.

**МАЛАХОВ Вадим
Александрович**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП)

Аннотация

В современном мире любая нация, желающая не отстать в развитии от своих соседей, должна обладать адекватной системой подготовки специалистов для новой цифровой экономики. Наиболее востребованным сейчас становится STEM-образование, в основе которого лежит математика. В статье проанализирован уровень математического образования и науки в России. Рассмотрены основные проблемы и меры государственной поддержки математического образования. Сделан вывод о необходимости плотной увязки мер по поддержке образования и мер по созданию комфортных условий для ведения бизнеса, созданию новых рабочих мест для молодых специалистов, повышению престижа профессии ученого.

Ключевые слова:

математика, STEM, образование, университеты, школы, наука.

Введение

Развитие информационных технологий в последние десятилетия стремительно меняет облик современного мира: все более востребованными сейчас становятся программисты, инженеры, специалисты высокотехнологичных производств. Так, по данным Министерства торговли США, в Америке с 2000 по 2010 г. спрос на специалистов в области естественных наук, технологий, инженерии и математики (Science, technology, engineering and mathematics, далее STEM), вырос в общей сложности на 7,9%, в то время как рост рабочих мест по другим профессиям за тот же период составил всего 2,6%. Тенденция опережающего роста спроса на STEM-специалистов сохранилась и в последующие годы [1, р. 1]. В современном мире любая нация, не желающая остаться на задворках истории, должна стремиться к обладанию качественным человеческим капиталом — высококлассными специалистами, способными создавать инновации для новой цифровой экономики. Для подготовки таких специалистов стране необходимо иметь адекватную систему STEM-образования, в основе которого лежит математика. Без высокого уровня математического образования как на школьном, так и на университетском уровне в стране невозможно формирование цифровой экономики.

В России в последние годы уделяется все больше внимания поддержке точных наук в целом и математического образования в частности. Так, в конце 2013 г. правительством РФ была принята «Концепция развития математического образования в Российской Федерации» (далее Концепция) [2]. Цель Концепции — вывести российское математическое образование (к которому документ причисляет и образование в области информационных технологий)

на лидирующее положение в мире. Поэтому представляется крайне важным изучить современное состояние математического образования в России — как на школьном, так и на университетском уровне — и позиции российской математической науки в мире по сравнению с другими развитыми странами, рассмотреть проблемы, препятствующие развитию математического образования, изучить необходимость мер государственной поддержки математики и STEM-образования в России.

Математическое образование в школе

Существуют две крупные международные исследовательские программы, регулярно оценивающие уровень школьного математического образования в странах мира:

1. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, далее PISA) [3] оценивает навыки школьников в возрасте 15 лет в трех областях (математика, точные науки, чтение), исследование проводится каждые три года, начиная с 2000 г.
2. Программа «Тренды в математическом и естественнонаучном образовании» (Trends in Mathematics and Science Study, далее TIMSS) [4] оценивает успехи школьников (4-й и 8-й классы) в области математики и точных наук, мониторинг проводится каждые 4 года и в современном виде существует с 1999 г.

Оценка качества математического образования в обеих программах происходит с помощью тестирования. В каждой из стран-участниц исследования тестирование должно проводиться на выборке учащихся, максимально репрезентативной в географическом, социальном и гендерном отношениях. В случае, если по какому-то из критериев репрезентативности выборка не отвечает требованиям программы, результаты тестирования не учитываются в итоговом отчете. Так, например, в 2000 г. были «забракованы» результаты тестирования, проводившегося в рамках программы PISA в Нидерландах [5, p. 5].

Российские школьники показывают традиционно хорошие результаты в тестированиях TIMSS. По результатам 2015 г. они заняли 7-е место в мире по математике среди четвероклассников и 6-е место среди восьмиклассников. Первые места с большим отрывом достались школьникам таких восточноазиатских стран и территорий, как Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Гонконг [4]. Успехи российских школьников в тестировании, проводимом в рамках программы PISA, выглядят более скромными. По данным за 2015 г. Россия занимала 23-е место в мире по уровню математического образования в школах, набрав 494 балла, что примерно соответствует среднему уровню по странам ОЭСР [6, p. 177].

В целом в мониторингах математического образования, проводимых в рамках программы TIMSS, результаты азиатских и восточноевропейских стран традиционно выше, чем в программе PISA. Западные страны, наоборот,

показывают лучшие результаты в программе PISA. В исследовательской литературе это объясняют двумя факторами [7]:

- во-первых, в тестированиях PISA участвуют школьники в возрасте 15 лет (независимо от класса обучения), в то время как в TIMSS — школьники 4-го и 8-го классов (независимо от возраста). Учитывая, что в разных странах возраст поступления в школу различен, ученики могут иметь преимущества в зависимости от того, в рамках какой программы проводится мониторинг (например, в виде большего количества лет, проведенного в школе, по сравнению с их сверстниками из других стран);
- во-вторых, тесты PISA содержат больше задач прикладного характера и ориентированы на то, чтобы выявить, насколько ученики смогут использовать в реальной жизни знания, полученные в школе. В TIMSS же больше абстрактных задач, призванных показать уровень усвоения учениками школьной программы, преподаваемой в школах. Поскольку традиции обучения математике во многом зависят от национальной культуры [8], неудивительно, что ученики из различных стран лучше справляются с различным видом задач.

В любом случае российские ученики показывают достаточно высокие результаты в рамках обеих программ. Это говорит о сохранении советских традиций и поддержании высокого качества российского математического образования (по крайней мере, на школьном уровне). Это подтверждается и результатами международных математических олимпиад. Так, на олимпиаде 2017 г. российские школьники заняли 11-е место (из 110) [9].

Высшее образование и математическая наука

В Концепции среди проблем развития математического образования в России отмечается, что «... математическое образование в образовательных организациях высшего образования оторвано от современной науки и практики, его уровень падает, что обусловлено отсутствием механизма своевременного обновления содержания математического образования, недостаточной интегрированностью российской науки в мировую» [2]. Представляется интересным проанализировать, насколько оценка, данная в Концепции, соответствует действительности.

Хотя на университетском уровне международных мониторинговых программ наподобие PISA и TIMSS не существует, судить об уровне математического образования в вузах мира мы можем по ряду показателей. Так, например, высокие места на международных соревнованиях по математике занимают не только российские школьники, но и студенты. На международном математическом соревновании для университетских студентов (The International Mathematics Competition for University Students, IMC) 2017 г. 2-е и 3-е места заняли команды из СПбГУ и МФТИ соответственно [10]. Несколько хуже у российских вузов обстоят дела с наиболее популярными глобальными университетскими рейтингами. В рейтинге QS World University Rankings 2018 в топ 500

университетов по математическим дисциплинам входят только 9 вузов из России, из них самое высокое (38-е) место занимает МГУ им. М. В. Ломоносова [11]. Еще слабее позиции российских университетов в рейтинге Times Higher Education World University Rankings 2018: по дисциплине «математика и статистика» в топ 500 входит лишь 8 российских вузов, при этом самая высокая позиция (МГУ им. М. В. Ломоносова) — 194-я [12]. Впрочем, данные рейтинги оценивают не столько уровень математического образования в российских вузах, сколько уровень проводимых в данных университетах научных исследований и их репутацию в профессиональном сообществе.

Важным индикатором уровня математического образования и науки в России может служить количество российских математиков, получивших Филдсовскую премию. Начиная с 1994 г., каждый год, когда присуждалась премия, кроме 2014 г., среди лауреатов были выходцы из России. В общей сложности в постсоветский период Филдсовскую премию получили 5 российских математиков (не считая отказавшегося от нее Г. Я. Перельмана). При этом все указанные ученые получили образование еще в советское время, а на момент присуждения премии работали за рубежом. Значит, несмотря на качественное математическое образование, предоставляемое школами и университетами, многие высококласные специалисты не видят возможностей для самореализации в России и уезжают за границу.

По данным Web of Science (WoS) количество научных публикаций российских авторов, вышедших в математических журналах¹, в последние годы растет как в абсолютном, так и в относительном значении. Если в 2013 г. таких публикаций было 2125 (3,22% от общего количества научных публикаций по математике, вышедших за год), то в 2017 г. — 3949 (5,09% от общего количества публикаций). За пять лет Россия по данному показателю поднялась с 10-го на 5-е место (после США, Китая, Германии и Франции). В общей сложности за 2013–2017 гг. российские ученые стали авторами 15537 публикаций по математике, индексируемых в WoS. В то же время, если же рассматривать только высокоцитируемые публикации (1% наиболее цитируемых документов в научной области), достижения российских ученых-математиков выглядят значительно скромнее: за 2013–2017 гг. лишь 59 российских публикаций попали в данную категорию, Россия по данному показателю заняла 17-е место. Для сравнения: учеными КНР за это же время было создано 950 высокоцитируемых публикаций математической направленности, США — 794, Италии — 231. По данным за 2016 г. 18 российских журналов математической направленности (категории «Математика», «Математика, прикладная», «Математика, мультидисциплинарное применение») индексировались в базе данных WoS. Из них три журнала находились в первом квартиле (Q1) по категориям «Математика» и «Математика, прикладная» («Moscow Mathematical Journal», «Russian Mathematical Surveys» и «Regular and Chaotic Dynamics») [13].

В целом можно констатировать, что, несмотря на наличие определенных проблем, математика в российских вузах преподается на высоком уровне. Российская математическая наука также в основном сохранила сильные позиции в мире, в то же время, говоря о публикационной активности российских ученых, отметим, что пока наблюдается не столько качественный, сколько количественный рост научных публикаций российских математиков.

¹ Поиск проводился по Web of Science Core Collection, публикации с общим направлением исследования «Математика»

Поддержка математического образования в России

В России государственная поддержка математического образования и науки в последние годы осуществляется сразу по нескольким направлениям и на разных уровнях (общесистемные меры, поддержка школьного математического образования, математической науки в вузах). Среди мер этой поддержки наибольший интерес вызывает создание на базе ведущих региональных вузов научно-образовательных математических центров (далее НОМЦ). НОМЦ создаются во исполнение плана мероприятий по реализации Концепции, а также в целях реализации пункта 31 Стратегии научно-технологического развития РФ [14] и должны стать важным элементом математического образования в России. Всего за 2017–2018 гг. правительством было поддержано создание 6 таких центров: в Южном федеральном университете, Казанском (Приволжском) федеральном университете, Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова, Новосибирском национальном государственном исследовательском университете, Национальном исследовательском Томском государственном университете и Адыгейском государственном университете.

Важной особенностью НОМЦ является то, что они сочетают в себе научно-исследовательскую и образовательную миссии. Целью их деятельности является создание единой образовательной среды, объединяющей систему высшего, общего и дополнительного образования и математическую науку. НОМЦ должны обеспечить преемственность по всей траектории математического образования: школа — университет — аспирантура — первые шаги в научной карьере. Одной из задач НОМЦ является также интеграция российской науки в мировую: для проведения лекций и семинаров в центры будут приглашаться ведущие ученые-математики со всего мира. Все НОМЦ создаются на базе региональных вузов, предполагается, что они дадут толчок к укреплению старых и развитию новых научных центров, будут способствовать инновационному развитию регионов и привлечению в них ведущих IT-компаний.

Хотя пока рано однозначно судить, насколько данная программа будет способствовать росту уровня математического образования и науки в регионах России, можно с уверенностью сказать, что государство реально озаботилось подготовкой высококачественных специалистов-математиков.

Дискуссии о необходимости приоритетной поддержки STEM-образования

В отечественной научной литературе, посвященной образованию, нередко можно увидеть упреки в адрес властей в недостаточной поддержке STEM-образования в России, в пример ставятся развитые западные страны, в которых поддержка данного образования якобы находится в приоритете [15]. Между тем вопрос о приоритетной поддержке точных наук по сравнению с гуманитарными не так однозначен, и подобный подход нередко подвергается критике. С одной стороны, одна из основных функций образования — создание кадрового потенциала для национальной экономики, а для ее развития, по мнению многих, нужны

в первую очередь инженеры, изобретатели и технические специалисты, а не художники и философы. Сторонники данного подхода выступают за государственную поддержку STEM-образования и активное поощрение детей к занятию точными науками еще на уровне школы [16].

С другой стороны, их противники указывают на нежелательность вмешательства в формирование рынка образовательных услуг и искусственной поддержки одних дисциплин за счет других. Образовательный рынок является саморегулирующейся системой: при росте потребностей в определенных специалистах растут и зарплаты, значит, при выборе своей будущей профессии все больше людей будут выбирать именно эти специальности [17]. Вмешательство государства в данную систему создает переизбыток STEM-специалистов на рынке труда. Уже сейчас, по мнению ряда западных обозревателей, молодым ученым, инженерам и представителям технических специальностей в США все сложнее найти работу, при продолжении государством текущей образовательной политики ситуация будет только ухудшаться [18].

В российских реалиях ситуация усугубляется недостаточным внутренним спросом на STEM-специалистов. Молодые ученые, математики, инженеры, получившие высококлассное образование в России, зачастую не могут найти работу, удовлетворяющую их запросы, и уезжают за рубеж. Это проблема касается и технологических предпринимателей. Так, с развитием технологии блокчейн огромное количество русских оказалось вовлечено в новую быстрорастущую отрасль, создавая все новые блокчейн-стартапы [19]. Однако, несмотря на российское происхождение, большинство из этих компаний регистрируется за рубежом и действует не в российской юрисдикции. Таким образом, создается ситуация, когда Россия превращается в кузницу кадров для чужих экономик. Поэтому любые меры, направленные на поддержку образования, должны осуществляться в системной связке с мерами, направленными на создание новых рабочих мест и комфортных условий для организации инновационного бизнеса в России.

* * *

Таким образом, Россия по-прежнему является одним из мировых лидеров в области математического образования как на уровне школы, так и на университетском уровне. Российские школьники и студенты традиционно занимают высокие места на международных олимпиадах и в рейтингах, составленных в рамках международных исследований. В то же время достижения российских ученых-математиков выглядят несколько скромнее: хотя в 2017 г. России удалось попасть в топ-5 стран по количеству статей в математических журналах базы данных WoS, по количеству высокоцитируемых статей за 2013–2017 гг. Россия занимает лишь 17-е место в мире. Это можно объяснить тем, что научная карьера по-прежнему не пользуется в России должным престижем и многие талантливые представители молодежи, получив образование, уезжают за границу либо выбирают карьеру, не связанную с наукой. Поэтому любые меры, направленные на поддержку математического образования в России, должны быть частью системы мер по созданию новых рабочих мест, повышению престижа научной карьеры, созданию комфортных условий для ведения инновационного бизнеса в России.

Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России на 2018 г. на тему: «Организационно-техническое и информационное обеспечение деятельности Рабочей группы по отбору и мониторингу деятельности научно-образовательных математических центров и мониторинг деятельности центров». Проект № 28.12619.2018/12.1.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S. DEPARTMENT OF COMMERCE. ECONOMICS AND STATISTICS ADMINISTRATION. **STEM: Good Jobs Now and for the Future**. 2011. 10 p. URL: http://www.esa.doc.gov/sites/default/files/stemfinaljuly14_1.pdf (дата обращения: 06.06.2018).
2. **Распоряжение Правительства РФ от 24.12.2013 N2506-р «Об утверждении Концепции развития математического образования в Российской Федерации»** // Российская газета. – 2013. – 27 дек. URL: <https://rg.ru/2013/12/27/matematika-site-dok.html> (дата обращения: 06.06.2018).
3. **OECD. Programme for International Student Assessment (PISA)**. URL: <http://www.oecd.org/pisa/> (дата обращения: 06.06.2018).
4. **TIMSS & PIRLS International Study Cente. TIMSS2015 International Results Report**. URL: <http://timssandpirs.bc.edu/timss2015/international-results/download-center/> (дата обращения: 06.06.2018).
5. STACEY K. **Mathematical and scientific literacy around the world** // Journal of Science and Mathematics Education in Southeast Asia. 2010. Vol. 33. № 1. P. 1–16.
6. **OECD. PISA 2015 Results (Volume I): Excellence and Equity in Education**. Paris: OECD Publishing, 2016. 492 p.
7. WU M. **A comparison of PISA and TIMSS2003 achievement results in mathematics** // Prospects. 2009. Vol. 39. № 1. P. 33.
8. LEUNG F. K. S., GRAF K. D., LOPEZ-REAL F. J. **Mathematics education in different cultural traditions — A comparative study of East Asia and the West: The 13th ICMI study**. New York: Springer Science & Business Media, 2006. 598 p.
9. **Международная Математическая Олимпиада 2017**. URL: http://imo-official.org/year_country_r.aspx?year=2017 (дата обращения: 06.06.2018).
10. **International Mathematics Competition for University Students 2017**. URL: <http://www.imc-math.org.uk/index.php?year=2017> (дата обращения: 06.06.2018).
11. **Times Higher Education World University Rankings. 2018**. URL: <https://www.timeshighereducation.com/> (дата обращения: 06.06.2018).
12. **QS TopUniversities. 2018**. URL: <https://www.topuniversities.com/> (дата обращения: 06.06.2018).
13. **InCites Journal Citation Reports**. URL: <http://jcr.incites.thomsonreuters.com> (дата обращения: 06.06.2018).
14. **Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»** // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 06.06.2018).
15. РЕПИН А. О. **Актуальность STEM-образования в России как приоритетного направления государственной политики** // Научная идея. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-stem-obrazovaniya-v-rossii-kak-prioritetnogo-napravleniya-gosudarstvennoy-politiki> (дата обращения: 06.06.2018).
16. GOLDEN P. **Preparing Kids For 21st Century Stem Jobs Will Take A Village — And A Swat Team** // Huffpost. 06.12.2017. URL: https://www.huffingtonpost.com/paula-golden/preparing-kids-for-21st-c_b_11952852.html (дата обращения: 06.06.2018).
17. ALBRIGHT L. **Should We Prioritize STEM Education?** // Free the People. 24.09.2016. URL: <https://freethepeople.org/prioritize-stem-education/> (дата обращения: 06.06.2018).
18. TEITELBAUM M. S. **The Myth of the Science and Engineering Shortage** // The Atlantic. 19.04.2014. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2014/03/the-myth-of-the-science-and-engineering-shortage/284359/> (дата обращения: 06.06.2018).
19. DETRIXHE J. **Why are there so many Russians in crypto?** // QUARTZ. 21.05.2018. URL: <https://qz.com/1267356/why-are-there-so-many-russians-involved-in-crypto-and-icos/> (дата обращения: 06.06.2018).

Прогностика Александра Панарина: трансцендентальные культурные категории и глобальный когнитивный континуум

Статья рекомендована А.Н. Райковым 17.01.2018.

БУНДИН ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

Кандидат юридических наук, помощник ректора, доцент Центра инновационных образовательных проектов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица

Аннотация

Культура как совокупное выражение исторического опыта цивилизационного развития в ее материальных и духовных формах, отражая традиционную систему ценностей, выступает ключевым элементом внесения человеческого измерения в механизм построения глобального когнитивного континуума. Потенциал культуры, бытующий в качестве априорных культурных категорий на уровне архетипов коллективного бес-сознательного, включенный в информационные процессы, обеспечивает единство оценок и согласованность подходов различных стран в вопросах выбора целей, путей и средств цивилизационного развития.

Ключевые слова:

информационное общество, культура, цивилизация, развитие, когнитивный континуум.

Творческое наследие выдающегося русского мыслителя А. С. Панарина продолжает удивлять нас своим эвристическим богатством. Исключительно актуальным, в контексте современной мировой динамики, представляется практическое осмысление его гносеологических идей, которые позволяют формулировать философские основания российской политики построения информационного общества в условиях глобальной нестабильности.

Прогностика Александра Панарина рассматривается нами в философском контексте как часть (разновидность) гносеологии, ориентированная на познание будущего — его предвосхищение, обусловленное субъективно необходимым, которое, в свою очередь определяется культурой, точнее — априорными культурными категориями, отражающими накопленный исторический опыт общественного бытия — совместного проживания и деятельности людей.

Развивая идеи И. Канта, А. С. Панарин в своих работах убедительно показывает особую роль и место традиционной культуры в обществе, понимаемой, прежде всего как выражение общечеловеческих начал в современном миропорядке. И вводит новую гносеологическую, в смысле — прогностическую категорию — футурологическую «трансцендентальную эстетику», понимаемую им как «познание вдохновительной стороны мира — тех его измерений, которые вызывают субъективно необходимую реакцию — безотносительно того, что советует нам рефлексия», которая «исследует априорно заданные реакции общества на будущие события, ценностный статус которых задан нашей культурой» [1, с. 43]. Учение А. С. Панарина о трансцендентальной эстетике, вне всяких сомнений, сегодня может служить в качестве философского инструментария выработки и реализации политики Российской Федерации в интересах обеспечения национальной безопасности.

Выбор национальной стратегии России в условиях глобальной нестабильности связан с решением комплекса задач, обеспечивающих стабильное

функционирование основных сфер общественной жизнедеятельности и собственное целостное устойчивое развитие в качестве самодостаточного суверенного субъекта мировой политики. В этой связи требуется принятие мер, адекватных внешним и внутренним угрозам устойчивого развития. В первую очередь, недопущение экспорта агрессивных социальных технологий и экономических стратегий глобализма, чреватых потерей суверенитета и утратой территориальной целостности в угоду интересам транснациональных корпораций и международных финансовых структур.

С другой стороны, национальная стратегия должна носить не традиционно оборонительный, а наступательный, развивающий характер, внося упорядоченность и стабильность в общемировое развитие в качестве необходимого условия и гарантии собственного устойчивого тренда. С философской точки зрения, граница имеющего место противостояния национальных интересов ведущих мировых держав сегодня проходит по линии различия западноевропейской культуры прагматизма, с ее императивами полезности идей и относительности истины, и традиционной культуры гуманизма и справедливости, которая в русском сознании лаконично формулируется библейской фразой «не хлебом одним жив человек».

Ущербность западного прагматизма в том, что он исключает традиционные нравственные ориентиры. Именно в их преодолении суть характерных для западной ментальности сомнений на путях веры в полезность (прагматичность) идеи (материального обогащения) и ее успеха.

Весьма перспективным, в свете изложенного подхода, видится национальная стратегия, предусматривающая актуализацию трансцендентальных культурных категорий, характерных для российской духовности и выражающих ее цивилизационное наследие. В данном контексте исключительно своевременными представляются философские идеи А. С. Панарина в части определяющей роли культуры в общественном прогрессе [1, с. 41–52]. Именно культура, сама являясь продуктом человеческой деятельности, очеловечивает человека, изменяет его внутренний мир, наделяет окружающий мир человеческими смыслами, предвосхищает значимые для него события и пробуждает творческие начала.

Глубинная причина глобальной неустойчивости сегодня кроется в том, что западноевропейская цивилизация, претендующая на роль локомотива истории, будучи по своим смыслам цивилизацией рассудка, исчерпала свой ресурс развития и вступила в стадию стагнации. На истощение потенциала модели финансово-олигархического капитализма и парадигмы «человек для экономики» как на фактор текущего мирового развития сегодня указывают и авторитетные отечественные ученые [2], и их зарубежные коллеги [3]. Собственно говоря, «сработало» то, о чем еще писал И. В. Киреевский в середине XIX века: «...торжество ума Европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений; потому что при всем богатстве, при всей можно сказать громадности частных открытий и успехов в науках, общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому что, при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была своего существенного смысла...» [4, с. 176]. В «угаре» экономического роста, собственно человек оказался на обочине западноевропейской истории.

В лихорадочных поисках выхода из «прогрессирующего тупика» западно-европейская цивилизация сегодня пытается переложить ответственность за глобальные кризисы на чужие плечи, инспирируя череду цветных революций и провоцируя масштабные террористические движения. Однако агрессивные рыскания по миру лишь усиливают ее историческую агонию.

Консерватизм правящих кругов и пессимистический релятивизм интеллектуальных элит, взращенные на философии прагматизма, в условиях интенсивного развития информационного общества неотвратимо ведут к точке бифуркации, чреватой социально-экономическим коллапсом с трудно предсказуемыми последствиями. В этих условиях вполне обоснована и оправдана ставка Российской Федерации в решении задач национальной стратегии на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, обладающие значительными территориями, сырьевыми запасами и человеческими ресурсами, сохранившими основы традиционной культуры в ее широком понимании и, в этой связи, в меньшей степени подверженными влиянию модернистских идей и практик западно-европейской цивилизации.

Эффективность такого политического вектора предусматривает создание единого коммуникативного пространства на основе априорных культурных категорий, характерных для всех традиционных обществ и бытующих на уровне коллективного бессознательного. Их архетипы — те самые культурные коды, которые предопределяют становление и развитие цивилизации духа, как альтернативы западноевропейскому модерну и гаранта глобальной стабильности. В диалектике публичного и частного интересов, эксплицирующей механизм общественного развития вновь призывается на ведущую роль человеческий фактор всеединства, упорядочивающий и гармонизирующий общественную жизнь в региональных и глобальных измерениях.

Традиционная культура, выражающая систему общечеловеческих ценностей, становится действенной альтернативой «мягкой силе» в ее западноевропейском понимании как навязывании унифицированных стандартов поведения и стилей жизни, обеспечивающих историческую гегемонию цивилизации рассудка. Более того, эта альтернатива все больше находит питательную почву в самих западных обществах, сильно стратифицированных по социально-экономическим и идеологическим параметрам и переживающим духовное давление масштабной миграции представителей традиционных обществ. Современная история все чаще являет нам примеры альтернативного мышления западных элит, осознающих недостаточность одних материальных благ на путях достижения человеческого счастья, жизненную важность поиска и реализации новых подходов в решении актуальных задач общемирового развития, взыскующих пищи духовной и морального удовлетворения.

Релятивистское уныние западных интеллектуальных элит, связанное с потерей уверенности в будущем, трактуемым не иначе как «царство беспредела», сегодня находит свое выражение в множестве так называемых «арт-практик», претендующих на статус современного искусства, усиленно внедряется в общественное сознание населения подверженных глобализму третьих стран. Его преодоление возможно лишь на путях наложения на «таинственный хаос» будущего рамки субъективно необходимого. «Мы познаем мир в той мере, в какой мы действительно живем в нем и «задеты им» [1, с. 42]. Добавим, и реагируем

на него, и преобразуем его в соответствии с жизненными стратегиями, определяемыми культурной традицией.

Данная теоретическая новелла А. С. Панарина в раскрытии содержания его учения о глобальном политическом прогнозировании убедительно объясняет искреннее удивление западных стратегов и политтехнологов о непредсказуемости реакции российского общества и его лидеров на проводимые ими мероприятия и операции по реализации концепции американского глобального лидерства. И в очередной раз подтверждает гениальное изречение великого русского поэта Ф. И. Тютчева, тонко уловившего цивилизационную специфику своей страны: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить».

Ситуация глобальной неустойчивости выступает ярким свидетельством исчерпанности возможностей рациональных технологий глобального социального прогнозирования и проектирования, характерных для цивилизации рассудка. Более того, именно традиционная культура, генерирующая ценностные значения любых общественных фактов и событий, создающая программу и партитуру общественного действия обеспечивает иммунитет национальных государств против инъекций чумы глобализма. И, таким образом, выступает гарантом их суверенного и устойчивого развития.

В условиях спрогнозированного И. В. Киреевским «торжества разрушительной рассудочности» евроамериканских правящих кругов, постоянно провоцируемой ею «тревожности духа» интеллектуальных элит, растущих «чувств недовольства и безнадежности», последние в поисках выхода из духовного тупика оказываются весьма восприимчивыми к точкам зрения, основанным на априорных культурных категориях, позволяющих взглянуть на мир другими глазами, увидеть его целостность и взаимосвязь, осознать его непреходящие человеческие смыслы в традициях русской духовности.

Предложенная А. С. Панариным футурологическая трансцендентальная эстетика, преодолевающая рефлексию рассудка, определяет особый ценностный статус культуры в качестве аттрактора прогностических усилий и инструмента политического действия. «Культура как совокупность верований и норм, традиций и ценностей задает определенные программы развития» [1, с. 44]. И чем сильнее априоризм культуры, отмечал А. С. Панарин, — прочность традиций, спаянность ценностей, норм и идеалов, тем выше ее способность выстраивать антиэнтропийную (в нашем контексте — антиглобалистскую) стратегию [1, с. 46].

В контексте изложенного выше подхода требует корректировки политика построения информационного общества как собственно в Российской Федерации, так и в региональных и глобальном масштабах. В настоящее время, ни в коей мере не отказываясь от многостороннего развития цифровой экономики, тем не менее, исключительно актуальным представляется решение задач построения информационного общества с учетом возрастающей роли культуры в условиях смены парадигмы: не «человек для экономики», а «экономика для человека», обеспечивающей внесение человеческих смыслов в параметры социально-экономического развития.

Предлагаемая корректировка политики построения информационного общества побуждает вновь вернуться к вопросу о современном статусе и роли культуры в нашей стране. Включение культуры в сферу социальных услуг и доминирование в ней коммерческих стратегий, по сути, свели ее к досугу

и развлечению, выхолостили ценностные основания и сделали утвержденные указом Президента России «Основы государственной культурной политики» только декларацией о намерениях. Особую озабоченность в этой связи вызывает разработка Министерством финансов Российской Федерации проекта федерального закона "О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере", который в известном смысле призван завершить процесс разгосударствления социальной сферы, включая, естественно, и сферу культуры. Нельзя не согласиться по этому поводу с мнением профессионального экспертного сообщества о том, что «в бюрократических структурах по-прежнему доминирует фундаментальное непонимание того, что на самом деле значит культура и искусство в жизни каждого отдельного человека и нации в целом» [5]. Принятие закона чревато высоким риском выведения сферы культуры на рынок услуг и ее окончательной деградацией под гнетом коммерческих интересов.

Очевидная недооценка роли и места культуры в ряде случаев делает ущербной как социально-экономическую политику в целом, так и политику построения информационного общества, которая за неимением собственных ориентируется на чуждые нравственные ценности и ориентиры, нивелирует духовные основания проводимых реформ. В связи с этим Россия нуждается в неотложном комплексе мер по реанимации ценностей традиционной культуры как фактора общественного развития и гаранта устойчивого его тренда. В числе объектов такого рода мер главное место занимает сфера искусства и художественной культуры в целом.

Таким образом, можно констатировать, что важнейшим инструментом выработки и реализации национальной стратегии в условиях развития информационного общества и глобальной нестабильности может служить предложенная А. С. Панариным футурологическая трансцендентальная эстетика. Она способна, в отличие от рациональных дедуктивных процедур, прогнозировать не события, а социально-исторические смыслы этих событий, провоцируя их осуществление с опорой на априорные культурные категории и делая предсказуемыми реакции на внешние вызовы. Этим реализуется глубинный смысл традиционной культуры, олицетворяющей самоорганизацию эволюционно сложившихся естественноисторических систем в противовес характерной для модерна рассудочно-бюрократической организации искусственно конструируемых рациональных систем, в том числе, прежде всего, в вопросах построения целостного многополярного мира.

Вопрос тем более важный, что актуальность прогностических усилий сегодня связана с осознанием новых аспектов содержания понятия стратегической стабильности, обусловленных бурным развитием информационных телекоммуникационных инфраструктур и потребностями «смягчения разногласий путем позитивного и конструктивного диалога, укрепления взаимного доверия и сотрудничества» [6, с. 132]. Эти усилия должны быть в первую очередь направлены на выработку единой международной смысловой платформы в глобальном масштабе. Имеющая сегодня место извращенность взаимных информационных обменов, обилие недостоверной, искаженной, субъективной информации и умышленной дезинформации настоятельно требует организации диалога смыслов, а не фактов и тем более их оценок, реализации когнитивного сопряжения

мышления участников в единых теоретико-информационных моделях на основе диалектики целостного единства их многообразия. Важную роль в этом призваны сыграть трансцендентальные культурные категории.

Данный контекст усиливает актуальность построения глобального когнитивного континуума, понимаемого как «многофакторное информационно опосредованное соединение структуры различных сфер человеческой деятельности в рамках определенной сферы функционирования социума, создающее качественно новые возможности осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами знания» [7, с. 23], а также внедрения в информационные среды когнитивного программирования [8], с внесением в них культурного измерения. Таким путем может быть решена задача построения «умных» саморазвивающихся международных управленческих сред, что обеспечит согласование подходов различных акторов мировой политики в вопросах глобального прогнозирования, проектирования и осуществления образа будущего в целостной взаимосвязи составляющих его локальных национальных элементов.

В контексте изложенного, когнитивный континуум рассматривается как распределенная в информационной среде постоянно обновляемая совокупность взаимосвязанных знаний, обеспечивающих постижение смыслов интерпретируемых фактологических сведений о явлениях, событиях и процессах окружающего мира. Учет трансцендентальных культурных категорий позволяет упорядочить когнитивный континуум и реализовать его интегративное качество согласования интересов взаимодействующих субъектов социально-экономического развития в прогнозировании, проектировании и осуществлении целостного образа будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПАНАРИН А. С. **Глобальное политическое прогнозирование.** М.: Алгоритм, 2000. 352 с.
2. ИВАНОВ В. В. **На пороге глобальной гуманитарно-технологической революции** // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов XI Международного симпозиума 16–17 октября 2017 г., Москва. М.: «Когито-Центр, 2017. С. 185–188
3. ДЖОЗЕФ СТИГЛИЦ. **Великое разделение: неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения.** М.: ЭКСМО, 2016. 480 с.
4. КИРЕЕВСКИЙ И. В. **О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России** // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в двух томах / Под. ред. М. Гершензона. Том I. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. С. 174–222 http://metaparadigma.ru/wp-content/uploads/2016/07/Kireevsky_pss_tom1_1911.pdf (дата обращения 28.09.2017)
5. ШВЫДКОЙ М. Е. ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ КУЛЬТУРУ? // РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА – ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ВЫПУСК. 2017. № 7395 (229). С. 13
6. КАРАСЕВ П. **Актуализация содержания понятия «стратегическая стабильность»** // Материалы XI Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». Гармиш-Партенкирхен, Германия, 24–27 апреля 2017 года. Приложение к журналу «Международная жизнь». М. 2017. С. 129–137
7. ЗЕЛЕНИН Д. В., ЛОГИНОВ Е. Л. **Интеграция интеллектуальных управленческих сред (пространств) как основа модернизации и технологического развития экономики России** // Экономические науки. 2010. № 9 (70). С. 22–25.
8. РАЙКОВ А. Н. **Когнитивное программирование** // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 108–113

Медиаконвергенция как процесс интеграции медийных инноваций в сетевое сообщество

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 15.02.2018.

**МОЛЧАНОВА Ольга
Ильинична**

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)

Аннотация

В данной статье рассматривается тема медиаконвергенции в социальном аспекте. Целью исследования выступает выявление тенденций, проблем и перспектив данного уникального явления. Методика исследования опиралась на обобщение теоретического и практического материала, структурирование имеющихся сведений, а также метод экспертной оценки, что позволило получить данные для обоснования выводов исследования о медиаконвергенции как процессе интеграции медийных инноваций в сетевое сообщество. Результатом медиаконвергенции можно назвать три формирующихся тренда: мультимедийный продукт, гипертекстуальность и новые медиа. Новые медиа создали и продолжают формировать коммуникативную социальную модель. Медийные инновации приводят к новым формам и способам подачи информации, влияют на ее восприятие, мышление потребителей в целом, актуализируя социальный аспект процессов медиаконвергенции.

Ключевые слова:

медиаконвергенция, интеграция медийных инноваций, новые медиа, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность.

Медиаконвергенция — понятие, широко применяющееся для обозначения процессов интеграции и взаимопроникновения различных СМИ. Технологии являются основным фактором в процессе медиаконвергенции, так как позволяют по-новому собирать, обрабатывать, хранить и передавать информацию. Однако медиаконвергенцию следует рассматривать и с точки зрения социального аспекта. В целом, медиаконвергенция изменяет коммуникационные процессы, в результате чего появляются новые способы взаимодействия между субъектами и объектами.

Результатом данного взаимодействия можно назвать три формирующихся тренда: мультимедийный продукт, гипертекстуальность и новые медиа.

1. Мультимедийный продукт.

Новые технологии в сфере IT позволяют интегрировать в медиа инновации, связанные с цветом, звуком, анимацией, обработкой фотографий, рисунка, видеомонтажом. Это позволяет делать информацию выпуклой, вовлекать аудиторию, вносить игровую составляющую в процесс продвижения, информирования и коммуникации. Например, для знакомства с онлайн-версией выпуска норвежская газета Dagbladet предлагает использовать игровую платформу PlayStation Portable (PSP), что позволяет привлечь к контенту молодую аудиторию читателей, привнося в процесс информирования развлекательный аспект, тем самым модернизируя метод инфотейнмента, о котором пойдет речь

ниже. Агентство Reuters внедрило свой контент в игру Second Life, где для каждого компьютерного персонажа придумываются заголовки новостей, учитываются личностные особенности их восприятия. Все эти примеры характеризуют новый информационный продукт — мультимедиа, который можно представить как своеобразный текст, в котором задействованы несколько типов СМИ с взаимопроникновением их информационных составляющих.

Традиционные газеты и журналы поставляли информацию в текстовом виде (после появления цветной печати к этому добавилась еще и визуальная информация в качестве оформления и фотографий), радио — в звуковом, телевидение — в аудиовизуальном. При этом каждый материал был обособлен в силу технического несовершенства подачи информации. Современный текст помимо печатного содержания включает в себя фотографии, видеоролики, аудиоматериалы и инфографику. Подобное совмещение форматов, возможное благодаря интернету, и является мультимедийностью. Кроме того, за счет гиперссылок и подборок новостей реально проследить развитие событий от и до.

2. Гипертекстуальность — свойство расширения контента, который становится объемным, многовекторным, многослойным. По определению М. Лукиной гипертекст — это «текст, состоящий из потенциально бесконечного множества текстов, объединенных системой встроенных гиперссылок, что позволяет читать его не только горизонтально, как на бумаге, но и с помощью внутренних и внешних ссылок просматривать «вглубь». Использование гипертекста в журналистике придает материалам третье измерение — глубину» [2; 143]. Данное свойство ведет к новому способу взаимодействия с читателем.

Примечательно, что гиперссылки могут находиться как в самом тексте, так рядом с ним, например, сбоку, бывают внешними и внутренними. Внешние ведут на другие сайты, а внутренние позволяют пользователю перемещаться по одному и тому же ресурсу.

Гипертекст представляет собой сеть, состоящую из различных ссылок на сопутствующую информацию, при помощи предложенных соединений пользователи могут составить собственный маршрут коммуникации. Гипертекст отличается нелинейностью, непоследовательностью построения и восприятием информации, беспредельностью и отсутствием замкнутости (нет начала и конца, как в обычном линейном тексте).

3. Новые медиа.

Термин «новые медиа» стал актуален в конце XX в. для обозначения появившихся цифровых, компьютерных, информационных, сетевых технологий и коммуникаций. Под ним понимается любая медиапродукция, являющаяся интерактивной и распространяемая цифровыми методами. Характерными особенностями «новых медиа» становятся доступность и инновационные способы доставки конечного продукта потребителю. Сутью данного феномена являются информационно-коммуникационные ресурсы, дающие возможность его участникам получать и транслировать информацию, обмениваться ею, быть активными актерами в процессе циркуляции информационных потоков.

Ключевым моментом в идеологии новых медиа стала возможность интерактивного взаимодействия, что позволяет не только общаться в режиме

реального времени, но и создавать свое собственное медиа, используя текст, фотографии, аудио, видео, инфографику, причем без ограничения во времени и пространстве.

Новые медиа создали и продолжают формировать коммуникативную социальную модель. Пока нет точного их определения, но имеются попытки формулирования этого понятия. Например, С. Г. Носовец определяет новые медиа как «высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту» [5; 45]. Однако суть данного явления, как нам кажется, шире, так как новые медиа мы связываем с современными цифровыми, информационными и сетевыми технологиями общения, посредством которых можно передавать информацию и общаться в режиме онлайн.

Одна из характеристик новых медиа носит название «видимая бесконечность», так осмысливается гипертекстуальность и нелинейность современного текста. Новые медиа ежедневно предъявляют миру бесконечное количество строк текста, инфографики, видео и т.д., будучи цифровыми, они распространяются по всему пространству медиа с огромной скоростью, а значит, контента становится в тысячи раз больше за счет такого дублирования [3].

Подчеркивая социальное значение новых медиа, учёные Дуглас Келлнер (Douglas Kellner) и Джеймс Боман (James Bohman) говорят, что новые медиа предоставляют потенциал для демократической постмодерновой публичной сферы, в которой граждане могут участвовать в полностью открытых дебатах при полном доступе к информации [8]. Данный факт взяли на вооружение все современные СМИ, в связи с чем в каждой редакции вырабатываются определенные методы работы с целевой аудиторией.

Запрос аудитории является основным аспектом, от которого зависит дальнейшая схема освещения события: последовательность изложения не интересна потребителю, поэтому новость освещается по параллельной схеме. Схема подачи новостей примерно такая:

- первоначальный текст;
- подкрепление статистическими данными, дополнительными деталями, смежными событиями;
- подготовка фотоконтента для визуализации события;
- подготовка видеоконтента;
- создание инфографики на заданную тему.

В итоге новостная история как будто состоит из блоков конструктора, причем, каждый отдельный блок символизирует определенный формат события, то есть редакция производит некий контент, который затем можно легко видоизменить в соответствии с аудиторным фактором.

«Новые медиа усиливают создателя информации на процесс коммуникации благодаря способности точно нацеливать сообщения и адаптировать

их в соответствии с конкретными интересами и жизненным опытом своей аудитории» [Г; 100].

Индивидуальный мир человека постепенно превращается в огромный текст, сотканный из информационных потоков, потребляя которые, он с интересом разгадывает их смыслы и значения. Причем, содержание современных массмедиа привлекает не фактом, а сюжетом. Эмоции превалируют в подаче новостей. Не что рассказывают, а КАК — именно это востребовано современным человеком. Авторство может и вовсе не иметь значения. Данный фактор является основополагающим для такой медийной инновации как сторителлинг.

В качестве примера приведем одну из востребованных технологий производства развлекательного контента — transmedia storytelling (сторителлинг) — масштабная сценарная концепция, реализуемая через несколько разноразмерных платформ [9]. Каждая из них по-разному представляет персонажей, но должна логически соотноситься с остальными задействованными медиа. Причем площадки с более широкой аудиторией помогают привлечь внимание к менее популярным. Сайт cinemotionlab.com представляет подборку относительно недавних трансмедийных проектов:

- Книга Кэти — книжный роман Шона Стюарта и Джордана Вайсмана с элементами альтернативной реальности-игры [10];
- Year Zero — альтернативная реальность-игра по мотивам одноименного альбома группы «Nine Inch Nails»;
- ReGenesis — канадский сериал про ученых, дополненный игрой и серией подкастов.

На принципах «сторителлинга» может строиться и контент СМИ, кстати, подобная журналистика в блогерской среде уже приобрела приставку «трансмедиа» [4]. Под термином трансмедиа, или кросс-медиа, подразумевается трансляция истории с помощью разных медийных площадок (телевидения, веб-порталов, SMM, мобильных приложений и др.), которые, действуя совместно, генерируют содержание, донося его до аудитории, что невозможно было бы сделать посредством каждого СМИ в отдельности.

В самом узком смысле трансмедиа — это набор новейших цепных технологий создания и продвижения контента, в том числе внедряемый в журналистскую сферу.

В последнее время все чаще вместо слова содержание употребляется слово контент, в профессиональной среде данный термин вошел в обиход, и несмотря на то, что с английского content означает «содержание», как профессиональный термин «контент» шире по значению, вбирает в себя такие составляющие: текст, звук, визуальные образы, мультимедийные данные, видеоролики и др. Широкий спектр информационных составляющих позволяет доносить до потребителя сведения в том формате, который предпочтительней для конкретной аудитории.

Наряду с термином «новые медиа» используется термин «социальные медиа» — это вид массмедиа, дающий возможности производства контента пользователями конечного продукта, так называемой возможности копродукции,

когда любой человек, пользователь контента, может стать репортером, комментатором, фотокорреспондентом или даже редактором сервиса, при этом пользователи имеют возможности общаться друг с другом: делиться мнением, новостями, ссылками, инфографикой и т.д.

Однако следует иметь в виду, что «новые медиа» и «социальные медиа» не являются синонимами.

Новые медиа — это процессы развития цифровых, сетевых технологий и коммуникаций, что связано с интерактивными электронными изданиями и новыми цифровыми технологиями, что значительно расширило возможности традиционных СМИ.

Социальные медиа — это сервисы, позволяющие аудитории активно взаимодействовать с контентом. Таким образом, новые медиа — более широкое понятие, включающее в себя понятие социальных медиа.

Классификация видов социальных медиа может выглядеть так:

- социальные сети;
- интернет-сообщества;
- блоги;
- виртуальные игры;
- сообщества по производству совместного контента;
- геосоциальные сервисы и др.

Технологии продолжают стремительно совершенствоваться, и это влияет на трансформацию потребления информации. Социальные сети и мобильные приложения создают новую коммуникационную сферу, в которой циркуляция информации происходит иначе. Это учитывают редакции конвергентного типа, которые активно используют социальные медиа в своей деятельности. Мобильные приложения теперь позволяют попадать на сайт издания через ленту новостей на Facebook после того, как кто-то поделился ссылкой на статью. А раньше читатель мог это сделать только через главную страницу или поисковик. Пользователи почти не заходят на главные страницы сайтов изданий, а повестка дня у них формируется в соответствии с тем, что они видят у себя в ленте. С каждым годом растет процент потребителей новостей, получающих их из социальных сетей.

Социальные сети активно используются в современной журналистике. Социальные сети — не только способ распространения информации, коммуникации, но еще и верификации. Президентские выборы в США подняли серьезные вопросы по поводу распространения недостоверной информации, особенно через Facebook. Несмотря на это, статистика обнадеживает: почти половина журналистов в США использует не менее трех социальных сетей для сбора и проверки информации [6].

Действительно, теперь тему для публикации определяет пользователь лайками и кликами. Человеку стоит только открыть ссылку, и это становится

фактором распространения данной информации. Авторы материала могут отслеживать движение от одного к другому заголовку, анализировать данный процесс. А это, в свою очередь, способствует появлению все более ярких кричащих заголовков, которые уже получили название — кликбейты.

Социальные медиа — это, в первую очередь, технологии, позволяющие людям общаться между собой в режиме реального времени. Пользователей социальных медиа с каждым годом становится все больше, а, значит, растет их влияние на бизнес-коммуникации в интернет-среде.

Интересно, что по состоянию на октябрь 2015 года в топ-20 интернет-ресурсов вышли такие социальные сети, как Vk.com и Odnoklassniki.ru [7]. Однако за год ситуация значительно изменилась. Как свидетельствуют данные, быстрыми темпами продолжают развиваться мессенджеры, и даже становятся популярнее ставших привычными социальных сетей.

В сравнении с прошлым годом значительно выросли мессенджеры WhatsApp и Facebook Messenger, увеличив свою аудиторию на 400 млн пользователей. Появился новый мессенджер Telegram, который становится все популярней.

За последний год среди американской и европейской молодой аудитории (13–22 года) приобрел популярность ресурс Snapchat, увеличив за это время аудиторию на 100%, которая теперь составляет около 200 млн пользователей. В России пока данное приложение малоизвестно. Snapchat был создан как фотоприложение, но с добавлением в сервис возможности размещать видеоролики приложение начало развиваться быстрыми темпами.

Далее список самых популярных социальных медиа выстраивается в таком порядке: Инстаграм, Твиттер, Tumblr. А Google+ в 2016 году вообще не фигурирует в списке.

В 2016 году появилась новая категория игроков — это видеостримеры, такие приложения, с помощью которых видео можно смотреть в режиме онлайн. Конкурентами в этой категории являются приложения Periscope (принадлежит Твиттер) и сервисы Meerkat и Vlab. Совсем недавно такая возможность появилась и у пользователей сети «ВКонтакте». Видеотрансляции — один из самых горячих трендов этого года. Возможность видеотрансляции предлагают как отдельные приложения, так и такие ресурсы как Фейсбук (Facebook Live) и Ютуб, интегрирующие новые опции, чтобы не терять популярности и оставаться в тренде [7].

Новые медиа отличаются разнообразием контента. Интернет дает возможность на одной платформе использовать различные формы информации: инфографика, аудио-, видеосюжеты. Информация подается объемно, насыщено. Новые медиа в борьбе за пользователя конкурируют в способах подачи информации, стараясь вовлечь как можно больше сегментов аудитории, удовлетворяя их информационные потребности.

В рамках социальных сетей можно выделить следующие основные типы индивидуализированных сообществ:

- частные;
- тематические;
- профессиональные;

- культурно-развлекательные.

Можно предположить, что в дальнейшем из-за сегментации аудитории количество типов виртуальных сообществ будет становиться все больше.

Новые формы и способы подачи информации влияют на ее восприятие, мышление потребителей в целом. В режиме онлайн образуются виртуальные сообщества, которые не зависят от границ социального или географического характера. Они саморегулируются и действуют по принципам реального социума. Нередко в виртуальной реальности человек ощущает себя комфортней, чем в реальной жизни. Данная тема уже становится предметом исследований. По большей мере проблемой виртуальная жизнь становится для юного поколения, представители которого предпочитают в Сети кооперироваться в различные сообщества по интересам, к сожалению, не всегда с позитивным уклоном.

Таким образом, можем констатировать, что новые медиа — это дигитальная, интерактивная среда коммуникации, которая характеризуется гипертекстуальностью, видимой бесконечностью и смешением профессионального и пользовательского контента.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАКУЛЕВ Г.П. (2002). **Конвергенция медиа и журналистика**. М.: ИПК РТ. С. 100.
2. БАЛМАЕВА С. (СОСТ.) (2010). **Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика**. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. С. 143.
3. БУРДЬЕ П. (2011). **Структура, габитус, практика** // Журнал социологии и социальной антропологии. Том I. № 2.
4. ЗАСУРСКИЙ И.И. (2014). **Трансмедиа как предпосылка эволюции журналистских текстов**. URL: http://vernsky.ru/pubs/5391/Transmedia_kak_predposylka_evolyutsii_zhurnalistских_tekstov?view_mode=text (дата обращения 28.03.2017).
5. НОСОВЕЦ С.Г. (2016). **Новые медиа: к определению понятия** // Коммуникативные исследования. № 4 (10). С. 39–47.
6. ПЛЕЦ Т. (2017). **Без перьев: технологии, которые изменили журналистику до неузнаваемости**. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/337061-bez-perev-tehnologii-kotorye-izmenili-zhurnalistiku-do-neuznavaemosti> (дата обращения 24.03.2017).
7. ФРОЛОВА Е. (2016). **Самые популярные социальные сети в мире**. URL: <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-2016/> (дата обращения 20.09.2017).
8. **Что такое новые медиа?** (2008). URL: <http://miw.by/post/200> (дата обращения 24.09.2017).
9. JENKINS H. (2011). **Transmedia storytelling: одна история для разных платформ**. URL: <http://cinemotionlab.com/> (дата обращения 24.09.2017)
10. **Transmedia storytelling: одна история для разных платформ**. (2011). URL: http://www.cinemotionlab.com/stati/transmedia_storytelling:_odna_istoriya_dlya_raznih_platform/ (дата обращения 14.10.2017)

Информационные телепрограммы в формате «breaking news»: композиция, технология и особенности медиавосприятия

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 15.02.2018.

ЕФАНОВ Александр Александрович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики, Оренбургский государственный университет

Аннотация

В статье проводится научное осмысление «breaking news» как особого формата информационных программ на телевидении. Композиционно информационные телепрограммы в формате «breaking news» строятся по принципу нарратива. В своих дискурсивных стратегиях журналисты сочетают прямое «жесткое» информирование и риторику скорби. Результаты авторского онлайн-опроса «"Breaking news": феномен медиавосприятия» (n=400) подтвердили, что наибольшую обеспокоенность и тревожность у аудитории вызывают новости о чрезвычайных происшествиях. При этом информацию о них респонденты стремятся получать посредством телевидения. Что касается социальных эффектов от новостей в формате «breaking news», большинство опрошенных описывали свои реакции как ужас. Подобные сильные реакции возникают в результате оперирования технологией инфофриллинга.

Ключевые слова:

breaking news, телевидение, информационные телепрограммы, медиавосприятие, инфофриллинг.

В настоящее время все коммуникационные процессы протекают в условиях «общества риска». В понимании основоположника данной теории У. Бека риски представляют собой «не исключительный случай, не «последствие» и не «побочный продукт» общественной жизни. Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества — экономической, политической, социальной» [1, p. 79]. Амплификация рисков, в первую очередь, наблюдается на фоне возникновения чрезвычайных ситуаций (терактов, авиакатастроф, крупных аварий, пожаров и проч.).

В современном медиaprостранстве телевидение выполняет ключевую роль в освещении трагических событий (несмотря на динамическое развитие интернета и релевантность веб-контента, телевизионный сигнал остается наиболее распространенным, охватывая 98% территории России). В этой связи акторы поля телевидения стали активнее заимствовать зарубежный опыт, обращаясь к формату «**breaking news**».

Дословно устойчивую лексику «breaking news» можно перевести с английского языка как «разрушение «повестки дня»». Иными словами, при производстве телевизионных новостей существует планирование (как краткосрочное — на эфирный день, — так и долгосрочное — на неделю, месяц и т.д.). Однако при возникновении чрезвычайного происшествия, волнующего миллионы людей по всей стране, происходит перепланирование съемочного дня, — по сути, создание информационных продуктов «с колес».

Сам термин «breaking news» зародился в западной телевизионной практике, обозначая формат экстренных / срочных / специальных выпусков новостей — «визитную карточку» информационных служб таких крупнейших телекомпаний, как CNN, NBC, CBS. Феномен «breaking news» стал предметом изучения зарубежных исследователей (С. А. Таггл, С. Хоффман [2]; Л. Холл [3]; Б. Л. Нейкос [4]; Э. Рейнолдс, Б. Барнетт [5]; В. Лаусон [6]). Среди российских ученых формат «breaking news» не получил глубокого анализа. Представленное исследование призвано восполнить существующий теоретический и методологический пробел.

На современном российском телевидении формат «breaking news» активно используется Первым каналом, телеканалами «Россия 1», «Россия 24», РБК и LIFE (прекратил свое существование в 2017 году), которые берут за основу практику зарубежных (преимущественно западных) телевещателей. Композиционно информационные телепрограммы в формате «breaking news» строятся по принципу нарратива: ведущий и корреспонденты в режиме реального времени (в основном это всегда прямой эфир) раскрывают новые детали (подробности случившегося инцидента), а затем повторяют всю хронологию уже известных событий (структура: «новое + данное»). Что касается стилистических особенностей речи, в своих дискурсивных стратегиях журналисты сочетают прямое «жесткое» информирование и риторику скорби. Об этом можно судить как по вербальному («и вернемся к трагедии в...»; «Россия скорбит»; «тысячи человек несут цветы...» и др.), так и по невербальному ряду — паузам между словами, явному сдерживанию эмоций и т.д. В одежде ведущих также преобладают «траурные» темные цвета.

К. В. Чобанян (единственный российский исследователь, обративший внимание на рассматриваемый коммуникационный феномен) обозначает «breaking news» как жанр [7]. Однако в существующей «академической» системе жанров СМИ «breaking news» как дискретно функционирующий жанр не выделяется [8]. Нынешние медиареалии и особенности медиапроизводства заставляют не согласиться с позицией исследователя, а рассматривать «breaking news» как особый формат телевизионных новостей. Главной особенностью данного формата является сочетание как информационных (заметка и расширенная заметка (на телевидении их именуют как БЗ), репортаж, хроника, некролог, событийное интервью), так и аналитических жанров (комментарий, обозрение, аналитическое интервью).

При этом формат «breaking news» трансформирует форму и содержание жанров. К примеру, появилась новая разновидность репортажа, именуемая как «лайф-ту-тейп» (ЛТТ), подразумевающая максимальную включенность корреспондента в происходящее — постоянное появление в кадре, комментирование событий в режиме реального времени (западная новация сегодня активно используется и российскими телекомпаниями). Таким образом, под воздействием формата «breaking news» журналист превращается не просто в хроникера событий, а в аналитика, комментатора, интервьюера, умеющего работать в прямом эфире, импровизировать в кадре, не имея «права на ошибку» (поскольку за происходящим следят миллионы людей у телеэкранов, от точности данных и их интерпретации зависит физическое и психоэмоциональное самочувствие зрителей).

Производство информационных программ в формате «breaking news» зачастую предполагает оперирование технологией инфофриллинга — «репрезентации новостей, заключающейся в злоупотреблении ярким, зрелищным, «трешевым» видеорядом, что позволяет резко, «стрессово» привлекать внимание аудитории, формировать устойчивый интерес к контенту, провоцируя аффективные реакции индивидов и тем самым обуславливая процесс медиаманипулирования» [9]. Однако, в отличие от «классических» теленовостей, при производстве информационных программ в формате «breaking news» происходит непреднамеренное медиаманипулирование (поскольку отсутствует заранее спланированная стратегия — все материалы подаются «с колес»). В данных условиях определяющими являются профессиональная ответственность и моральный выбор каждого отдельного журналиста и телеканала в целом (что будет приоритетным: погоня за рейтингами и спекулирование на трагедии или уважение своей аудитории, дозированная подача информации?).

Функционирование формата «breaking news» в информационных программах федеральных телеканалов можно условно разделить на две разновидности: краткосрочное и долгосрочное.

Под краткосрочным функционированием формата «breaking news» понимается создание экстренных выпусков новостей в течение 1–3 дней. Информационными поводами могут стать теракты [10], авиакатастрофы, крупные аварии, пожары и проч. Завершение «жизненного цикла» новости может быть обусловлено отсутствием новых деталей или нахождением условного «виновника» (в результате чего происходит угасание медиа-интереса).

Долгосрочное функционирование формата «breaking news» характерно для репрезентации социальных прецедентов преимущественно затяжной милитаристской природы. Впервые это отчетливо наблюдалось в 2014 году во время Российско-украинского кризиса [11]. Хронометражи новостных выпусков с 30 минут были увеличены до 60 (к примеру, «Вести» на телеканале «Россия 1»). Ежедневно в течение года выходили экстренные выпуски новостей (в связи с резонансными событиями на Украине, в ДНР и ЛНР или громкими заявлениями политиков по этому поводу). Согласно данным авторского контент-анализа, все основные федеральные телеканалы (Первый канал, «Россия 1», НТВ) делали акцент на кадры военных действий, представляя репортажи корреспондентов из «горячих точек» (Киева, Донецка, Луганска и т.д.). Исходя их аудиовизуальной природы телевидения, данные материалы, изобилуя зрелищной «картинкой», привлекали особое внимание аудитории (что продиктовано первичной потребностью общества — стремлением к безопасности и защищенности).

Однако в конце 2015 — начале 2016 годов вследствие относительной стабилизации обстановки на Украине в информационных программах федеральных телеканалов в 7 раз сократилось количество эфирного времени на освещение данного вопроса [12, с. 116]. Долгосрочное функционирование формата «breaking news» проявилось вновь, но уже в результате иного явления — контртеррористической миссии Российской Федерации в Сирии [13]. Весь ход спецоперации против ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации) освещался федеральными телеканалами. Наблюдалось оперирование технологией инфофриллинга посредством ретрансляции кадров военных действий (особенно при наведении точечных ударов с воздуха по группировкам террористов,

являясь для телезрителей новым подходом, привлекающим особое внимание), а также комментариев политических акторов. С конца 2016 года события в Сирии освещались исключительно в рамках «классических» информационных программ. А в 2017 году вследствие завершения антитеррористической миссии России в Сирии наблюдалось падение медиа-интереса к данному явлению, его исключение из «повестки дня».

Для изучения реакций общества на новости в формате «breaking news» в январе 2018 года был проведен авторский онлайн-опрос «"Breaking news": феномен медиавосприятия» (n=400) в социальной сети «ВКонтакте» (Таблицы 1–4). При помощи идентификационных вопросов удалось установить, что в исследовании приняли участие жители Оренбургской, Московской, Самарской, Саратовской областей в возрасте от 20 до 60 лет, из них женщин — 247, мужчин — 153.

Табл. 1 Распределение ответов на вопрос: «Из какого источника вы чаще всего получаете информацию о событиях?»

Интернет	42%
Телевидение	55%
Радио	2%
Газета	1%
Другое	0

Табл. 2 Распределение ответов на вопрос: «Новости на какую тему вызывают у вас наибольшую обеспокоенность и тревожность?»

Чрезвычайные происшествия	49%
Криминал	34%
Политика	11%
Экономика	4%
Социальная сфера	2%

Табл. 3 Распределение ответов на вопрос: «Где вы предпочитаете получать информацию о чрезвычайных происшествиях (терактах, авиакатастрофах, крупных пожарах)?»

Интернет	31%
Телевидение	63%
Радио	5%
Газета	0
Другое	1%

Табл. 4 Распределение ответов на вопрос: «Как вы можете описать свои реакции на экстренные новости (о терактах, авиакатастрофах, крупных пожарах)?»

Испуг	2%
Тревога	24%
Страх	31%
Ужас	34%
Паника	9%

Так, результаты исследования подтверждают, что из источников получения новостей у респондентов на первом месте пока остается телевидение — 55%

(несмотря на то, что Интернет значительно усиливает свои позиции — 42%). Это можно объяснить, с одной стороны, широкой доступностью телевидения, с другой, — сохранением высокого «кредита доверия» у аудитории, устойчивых практик медиапотребления (особенно в возрастной категории 45+).

Среди основных медиатопиков наибольшую обеспокоенность и тревожность вызывают новости о чрезвычайных происшествиях — 49%. Не случайно варианты ответов «Чрезвычайные происшествия» и «Криминал» были разделены, поскольку, если криминальная тематика (убийства, наркотики, коррупция и т.п.) регулярно присутствует в «повестке дня», то информация о чрезвычайных происшествиях, во-первых, содержит элемент неожиданности и неподготовленности зрителя (по содержанию), во-вторых, — имеет иную паралингвистическую форму (другими словами, «упаковку» сообщения).

Ответ на вопрос об устойчивых практиках получения информации о чрезвычайных происшествиях окончательно конституировал примат телевидения — 63% (на фоне Интернета — 31%). Данная картина обусловлена широкой медиа-репрезентацией инцидента: репортажей с места событий (в формате ЛТТ), комментариев уполномоченных лиц, постоянно обновляющихся данных о жертвах, конструирующих адаптированную для зрительского восприятия нарративную историю (в отличие от Интернета, предлагающего фрагментарные сведения, требующего определенных интеллектуальных усилий для навигации и формирования целостного представления). Не случайно информационные программы в формате «breaking news» являются одними из самых рейтинговых на телевидении (превосходя даже новогоднее поздравление Президента РФ).

Что касается социальных эффектов от новостей в формате «breaking news», при формулировании ответов использовалась концепция «тревожного ряда» (испуг — тревога — страх — ужас — паника) [14], разработанная М. И. Витковской. В итоге большинство респондентов описывали свои реакции на экстренные новости как ужас (четвертое звено градационной цепи) — 34%. 31% опрошенных в результате потребления новостей в формате «breaking news» испытывали страх. Можно предположить, что подобные сильные реакции возникают в результате оперирования технологией инфофрилинга, формирующей иллюзию социальной катастрофы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что «breaking news» является особым форматом информационных программ на телевидении. Композиционно информационные телепрограммы в формате «breaking news» строятся по принципу нарратива: ведущий и корреспонденты в прямом эфире раскрывают новые детали, а затем повторяют всю хронологию уже известных событий (структура: «новое + данное»). Если говорить о стилистических особенностях речи, в своих дискурсивных стратегиях журналисты сочетают прямое «жесткое» информирование и риторику скорби. Формат «breaking news» трансформирует форму и содержание жанров. Появилась новая разновидность репортажа, именуемая как «лайф-ту-тейп» (ЛТТ), подразумевающая максимальную включенность корреспондента в происходящее — постоянное появление в кадре, комментирование событий в режиме реального времени. Функционирование формата «breaking news» в информационных программах федеральных телеканалов делится на две разновидности: краткосрочное (создание экстренных выпусков новостей в течение 1–3 дней; информационными поводами могут

стать теракты, авиакатастрофы, крупные аварии, пожары) и долгосрочное (репрезентация социальных прецедентов затяжной милитаристской природы, таких как российско-украинский кризис, контртеррористическая миссия Российской Федерации в Сирии).

Результаты проведенного онлайн-опроса «"Breaking news": феномен медиавосприятия» (n=400) в социальной сети «ВКонтакте» подтвердили, что наибольшую обеспокоенность и тревожность у аудитории вызывают новости о чрезвычайных происшествиях (49%). При этом информацию о них респонденты стремятся получать посредством телевидения (63%), предлагающего широкую медиа-репрезентацию: репортажи с места событий (в формате ЛТТ), комментарии уполномоченных лиц, постоянно обновляющиеся данные о жертвах, конструирующих адаптированную для зрительского восприятия нарративную историю. Что касается социальных эффектов от новостей в формате «breaking news», большинство респондентов описывали свои реакции как ужас (34%). Подобные сильные реакции возникают в результате оперирования технологией инфофриллинга — репрезентации новостей, заключающейся в злоупотреблении ярким, зрелищным, «трешевым» видеорядом, что позволяет резко, «стрессово» привлечь внимание аудитории, формировать устойчивый интерес к контенту, провоцируя аффективные реакции индивидов и тем самым обуславливая процесс медиаманипулирования. Злоупотребление инфофриллингом зависит от собственных внутренних регулятивов медиаконтролеров, соблюдения этических принципов, а также особенностей информационной политики (сознательного отказа журналистского корпуса «делать рейтинг» любой ценой, в том числе на трагедии).

ЛИТЕРАТУРА

1. BECK U. **Risk Society and the Provident State // Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology** / Ed. by Lash S., Szerszynski B., Wynne B. L.: Sage, 1996. P. 78–96.
2. TUGGLE C. A., HUFFMAN S. **Live Reporting in Television News: Breaking News or Black Holes** // Journal of Broadcasting and Electronic Media. 2001. Vol. 45. № 2. P. 335–344.
3. HALL L. **News Makes or Breaks Reputations** // Electronic Media. 2003. Vol. 22. № 29. P. 26–37.
4. NACOS B. L. **Terrorism as Breaking News: Attack on America** // Political Science Quarterly. 2003. Vol. 118. № 1. P. 23–32.
5. REYNOLDS A., BARNETT B. **This just in... How National TV News Handled the Breaking 'Live' Coverage of September 11** // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2003. Vol. 80. № 3. P. 689–698.
6. LAWSON W. **Coping with Breaking News** // Psychology Today. 2004. Vol. 37. № 2. P. 16–25.
7. ЧОБАНЯН К. В. **Особенности жанра Breaking News на CNN** // Relga. 2011. № 3 (221). URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=2845> (дата обращения: 3.02.2018).
8. ЦВИК В. Л. **Телевизионная служба новостей: учеб. пособие для вузов.** М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 320 с.
9. ЕФАНОВ А. А. **Инфофриллинг как технология репрезентации телевизионных новостей** // Журналист. Социальные коммуникации. 2018. № 1.
10. ЕФАНОВ А. А. **Конституирование медиапсихоза в отношении терроризма** // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: труды Междунар. науч. – теор. конф. 28–31 октября 2015 года. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 262–265.
11. ЕФАНОВ А. А. **Российско-украинский кризис: была ли моральная паника?** // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 2. С. 93–99.
12. ЕФАНОВ А. А. **Социально-психологические последствия медиавоздействия:** Монография. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс ОГУ, 2018. 219 с.
13. ЕФАНОВ А. А. **Оренбуржцы в ИГИЛ (запрещенной в РФ организации), или В поисках толерантного ответа на «исламский вопрос» (опыт оренбургских СМИ)** // Современные медиакommunikации как информационная площадка межнационального и межэтнического диалога: Материалы Международной научно-практической конференции. 1-й том. Краснодар: КСЭИ, 2017. С. 130–136.
14. ВИТКОВСКАЯ М. И. **Социальные страхи как предмет социологического исследования:** дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. М, 2006. 182 с.

Пределы правового регулирования в цифровую эпоху

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 01.06.2018.

**ДМИТРИК Николай
Андреевич**

*Кандидат юридических наук,
руководитель департамента
правового регулирования
цифровой экономики
Национального центра
цифровой экономики МГУ им.
М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье выявляются и рассматриваются четыре группы факторов, выступающих пределами государственного регулирования общественных отношений. К ним относятся однородность регулируемых отношений, познаваемость правил, установленных нормой, территориальная ограниченность государства и наличие частной жизни. Поскольку наличие таких пределов не учитывается господствующей в правовой науке позитивистской доктриной, это влечет проблемы как в правотворчестве, так и в правоприменении. В работе даются рекомендации по преодолению возникающих проблем на основе поддержания баланса интересов сторон отношений.

Ключевые слова:

пределы правового регулирования, механизм правового регулирования, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, позитивизм.

Отечественная правовая наука по преимуществу стоит на позитивистских устоях. Если в работах по теории права непозитивистские теории еще рассматриваются (но позитивистская, или нормативная — обязательно на первом месте) [1, с.168–172; 2, с.12], то прикладные исследования, посвященные специальным вопросам, как правило, представляют собой лишь анализ норм правовых актов и судебной практики. Причин у сложившейся ситуации много: отчасти это советское наследие, отчасти — особенность правосознания современных чиновников и политических деятелей.

Отправной точкой для работ советского периода служили тезисы В. И. Ленина о том, что «закон есть выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть», а «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к исполнению норм права» [3, с.76]. Нормативность признавалась сутью права, его определяющим объективным свойством [4, с.21; 5, с.43–45]. Работы исследователей, указывавших, что «право существует постольку, поскольку оно соприкасается с сознанием субъекта, реципиента правового веления», нещадно критиковались [6]. «Закон, после того, как он издан и вступил в силу, обладает относительной самостоятельностью — он действует независимо от воли и сознания того, кому он адресован, независимо от реципиента. Но это возможно лишь потому, что имеется аппарат принуждения к выполнению норм права, имеется механизм» [5, с.45].

На корни современного позитивизма указывал С. С. Алексеев. «В нашей стране, начиная с 1990-х гг. и все более и более в последующее время даже сам термин «право» стал исчезать из официальной лексики. Центр тяжести стал все более переноситься на категорию «закон» (трактуемый во многом по модели «инструкции», произвольно определяемой властью)» [7, с.16–17]. Обращают внимание на эту закономерность и исследователи, не являющиеся юристами:

«Тогда как Запад ... основывается на духе закона, Россия формально следует букве закона». «Кажется, очень важно было ... следовать формальному закону и обосновывать свои действия соответствием писаным нормам, обращая меньшее внимание на другие аспекты правового и политического процесса» [8, с.759, 761].

Юристы с самого первого курса в университете учатся воспринимать право как данность, как императив. Дальнейшая работа только укрепляет нас в этом ощущении: составляя договор или справку по законодательству, мы опираемся на нормы закона, подзаконных актов, судебные решения, пытаемся определить предписанный нам государством вариант поведения. Но чем больше позитивизм проникает в наше профессиональное сознание, тем острее становятся видны проблемы, вызванные нормативным подходом к праву. Это и проблема злоупотребления правом («как может осуществление права быть противоправным?»), и проблема «каучуковых норм» (принцип разумности, добросовестности и т.п.), и проблема правовых гарантий (как может одна правовая норма считаться гарантией другой, столь же правовой нормы?). В самом общем виде столкновение такого рода «неразрешимых» правовых проблем с позитивистским мышлением выразил В. И. Емельянов в своей работе о злоупотреблении правом: «С точки зрения сторонников введения в закон понятия пределов осуществления права, существует два уровня дозволений». И далее: «Совокупность правовых норм, ограничивающих субъективное право, не создает другой идеальной модели поведения, отличной от той, которая установлена управомочивающей нормой. Мера дозволенного поведения (субъективное право) остается единой. Нельзя говорить, что этими нормами устанавливаются «пределы осуществления субъективного права». В то же время, именно на наличии двух мер поведения основано приведенное выше определение понятия «злоупотребления гражданскими правами» [9, с.54–55]. И действительно, если все право позитивно, все правила поведения связаны между собой, все субъективные права раз и навсегда определены законодателем, — наличие норм «второго порядка», таких как запрет злоупотребления правом, запрет недобросовестного поведения, правовых гарантий и т.п. выглядит nonsensom.

При этом интуитивно большинство юристов осознают, что идеальная модель права очень сильно отличается от реальности. Ведь есть мертворожденные нормы, то есть те, которые никогда не применялись в силу фактической невозможности их применения. К ним относится, например, порядок учета средств цветного копирования, предусматривающий их обязательную регистрацию: он был установлен в 1994 году [10] и отменен только в 2010 [11]. Регистрации подлежали средства цветного копирования (оперативной полиграфии, копировально-множительной техники, капельно-струйных принтеров), приобретаемые гражданами, а также предприятиями, организациями и учреждениями независимо от форм собственности и сферы деятельности (далее именуются — предприятия). Утвержденные Правила предусматривали, что граждане и руководители (представители) предприятий обязаны в течение месяца со дня приобретения средств цветного копирования представить в орган внутренних дел соответственно по месту жительства или по месту нахождения предприятия либо по месту использования средств цветного копирования паспорт либо иной документ, удостоверяющий их личность или служебное положение (полномочия), а также письменное заявление произвольной формы

о регистрации указанных средств. Орган внутренних дел обязан в течение месяца со дня обращения граждан или предприятий произвести обследование помещения, предназначенного для хранения и использования средств цветного копирования, в целях определения его соответствия требованиям, установленным настоящим пунктом, и принять решение о регистрации указанных средств. Помещение, предназначенное для хранения и использования средств цветного копирования, должно быть изолированным от других помещений, технически укреплено от проникновения посторонних лиц (охранной сигнализацией, надежными запорами и т.п.), чтобы исключить возможность бесконтрольного использования этих средств.

Еще один пример отличия «идеального» права от реальности — судебные решения, иногда весьма вольно трактующие положения правовых актов; при этом суды, даже Конституционный Суд Российской Федерации, могут менять свою трактовку одних и тех же положений. Как отмечал в своем интервью В. Д. Зорькин, «живая Конституция — это не только текст и не только решения КС по толкованию тех или иных норм Основного закона. Живая Конституция — это еще и законы, и вся правоприменительная практика, которая показывает, в каком направлении двигается наше право. Ядром этой практики является, конечно, конституционное правосудие. То есть важен не только сам текст Конституции, но и его реальное воплощение в жизнь. И важны не только учреждения, которые там названы, а то, как эти парламент, президент, суды, СМИ функционируют. Важен не столько перечень прав и свобод, сколько то, как они реализуются. Согласитесь, любой текст можно озвучить так, что все хорошее в нем будет перечеркнуто» [12]. Наконец, существует практика надзорных органов, которые могут применять или не применять отдельные предписания законов и подзаконных актов.

Однако позитивистские устои не позволяют признать, что право (как минимум — писаное право) имманентно несовершенно. Отсюда — постоянные заклинания о «необходимости совершенствования законодательства» как средстве решения проблем. Но законодательство, да и право в целом несовершенно всегда! Расхождение между писаным правом и фактически применяющимися в обществе правилами поведения подтверждалось исследователями и в XIX веке, и в XXI: можно вспомнить и концепцию «фактической конституции» Ф. Лассалья, и «живое право союзов» Е. Эрлиха. Соотношение закона и его использования в обществе является предметом и современных социологических исследований [13].

Разумеется, нельзя пытаться ставить под сомнение авторитет законодательства, подрывать общеобязательность правовых норм и необходимость их применения. Как отмечал И. А. Покровский, «как в области публичного, так и в области гражданского права залогом истинного праворазвития может быть только одно — законность и правовой порядок». Радикальное же расхождение законов и представлений общества о справедливости свидетельствует о кризисе в обществе и запросу к власти на модернизацию [14, с.223]. Тем не менее, надо обратить внимание, что имманентная несовершенность права — даже в том обществе, где право воспринимается населением как справедливое — имеет объективные предпосылки, выступающие пределами права, точнее — пределами правового регулирования.

Для того чтобы рассмотреть пределы правового регулирования, придется отойти от позитивистских устоев. Конечно, в конкретном месте и в конкретный момент времени и государство, и право выступают в виде объективной реальности, не зависящей от конкретного человека. Так, сейчас мы живем в Российском государстве, основой правовой системы которого является Конституция Российской Федерации. Однако даже в истории нашего народа было несколько моментов, когда и государство, и право этого государства разом переставали существовать: это происходило с СССР [15], и с Российской Империей [16]. В зарубежной истории это случалось еще чаще; зачастую даже нельзя было с определенностью сказать, существует государство или нет — например, в Ливии. Право может существовать без государства, как это было с римским правом. Некоторые члены общества могут не признавать право соответствующего государства — тогда оно не будет для них правом (примеры такого поведения можно видеть в некоторых национальных общностях и в террористических организациях; самым же красивым «мысленным экспериментом» такого рода является Воланд и его свита в «Мастере и Маргарите» М. Н. Булгакова: хотя они находятся на территории Советского государства, и на них распространяется действие советских законов, они не считают необходимым им подчиняться — и заставить их подчиниться нет никакой возможности). Поэтому право и государство для целей нашего исследования — это то, что признается правом и государством в конкретном обществе в конкретный момент времени. Государство при этом выступает в качестве механизма принятия общеобязательных решений в обществе, а право — накопленной и распространяемой в обществе информацией о таких решениях. Чем же будет ограничиваться использование данных инструментов, то есть что будет выступать пределами правового регулирования? Вопрос этот тем более важен, что право как инструмент регулирования в обществе нужно использовать экономно, не тратя на это ограниченные ресурсы самого общества. Можно написать закон, который выйдет за пределы правового регулирования, потратить существенные правоприменительные ресурсы в попытке его реализовать — но все равно потерпеть неудачу. Недаром ведь В. А. Дозорцев писал, что «право основано на объективных закономерностях, нарушение которых раньше или позже жестоко мстит за себя» [17, с.228].

Можно выделить две группы пределов правового регулирования (в достаточно общем понимании этого термина как, скажем, «границы государственного вмешательства в систему общественных отношений» [18]): внутренние, обусловленные собственными характеристиками права, и внешние, обусловленные взаимодействием права с обществом.

Первый внутренний предел правового регулирования связан с тем, что нормы права рассчитаны на многократное применение и упорядочивание на этой основе общественных отношений. Даже в учебниках по основам права отмечается, что «при помощи общих правил достигается единый действующий порядок во взаимоотношениях людей в обществе, снижаются возможности для индивидуального произвола. Свои отрицательные моменты имеет и нормативное регулирование, в особенности в случаях, когда требуется учет неповторимой специфики определенной ситуации» [19, с.22]. Правовое регулирование достигает своего предела в силу того, что жизнь богаче и разнообразнее любого, даже самого продуманного закона. Объективным основанием для данного

предела выступают законы математической статистики, связанные с распределением вероятностей. Математически доказано, что вероятность развития событий по тому или иному варианту распределяется некоторым образом: какие-то случаются чаще, какие-то реже. Любая общая норма «накрывает» только часть вариантов, пусть и самую вероятную. Остальные варианты этой нормой отсекаются — либо как противоправные, либо как «непредусмотренные».

Именно об этом пределе писал В. П. Грибанов: «соотношение между поведением, составляющим содержание субъективного права, и поведением, составляющим содержание осуществления права, представляется прежде всего как соотношение между возможностью и действительностью. ... поведение, составляющее процесс осуществления права, всегда есть определенный, конкретный вид реальных действий управомоченного лица, вытекающий из особенностей данного конкретного случая. Поэтому соотношение между поведением, составляющим содержание субъективного права, и поведением, составляющим содержание процесса его осуществления, представляется так же, как соотношение общего и конкретного, как соотношение общего типа поведения и конкретных форм его проявления в условиях данного конкретного случая» [20, с.44–45]. Самый мудрый законодатель не в состоянии при написании общей нормы помыслить все те внешние обстоятельства, в которых будет складываться правоотношение; норма, таким образом, оказывается на эти обстоятельства не рассчитана.

Показательным случаем достижения правом данного предела является злоупотребление правом — одна из «неразрешимых проблем» правовой науки. Как справедливо отмечает А. В. Волков, «злоупотребление правом — это всегда проявление системного «сбоя» норм в гражданском праве; когда их использование в ситуации правовой неопределенности производится не по назначению; нормы (а точнее их формализм и несовершенство) становятся средством злоупотреблений» [21]. Случай обхода закона, о которых говорится в пункте 1 статьи 10 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) — также яркий пример достижения правовым регулированием своего предела.

Так как данный предел носит объективный характер и с неизбежностью присущ правовому регулированию, нет никакой возможности разрешить данный кризис правовыми средствами. Существует два способа сглаживания кризиса: введение «каучуковых норм» (запрета злоупотребления правом, запрета недобросовестного поведения и т.п.) и уточнение самой правовой нормы. И то, и другое не позволяет решить проблему полностью, так как, опять-таки, не может учесть все возможные жизненные обстоятельства. Кроме того, активное использование обоих способов само по себе влечет пагубные последствия. Широкое применение каучуковых норм нарушает определенность права, на что указывал еще И. А. Покровский [16, с.220]. Попытка же учесть в общей норме все возможные частные случаи затрудняет восприятие этой нормы (вспомним Налоговый кодекс РФ) — и это угрожает достижением второго внутреннего предела правового регулирования.

Второй предел правового регулирования связан с познаваемостью права. Как уже говорилось выше, право — это прежде всего информация, соответственно, его надо соотносить с когнитивными возможностями человека. Об этом давно уже говорят социологи: «В России плотность правил как в Германии, а качество — как в Гане. Очень плохие законы, при этом их очень много. Обычно

там, где не умеют писать законы, их и немного, а там, где умеют, накручивают много-много правил — люди стонут от бюрократии, но и правила не противоречат друг другу. В России люди окружены огромным количеством мелочных правил, и следовать им всем невозможно. Они противоречат друг другу, за ними не уследишь, они все время меняются. Что людям остается? Придумать какие-то причины, почему их нарушать оптом. Вот это объективная, рациональная составляющая» [22].

Познаваемость права является важнейшим фактором, впрочем, давно осознанным юристами. Те правила, от которых зависит жизнь и здоровье людей — например, Правила дорожного движения — постарались сделать максимально наглядными. Главное юридическое изобретение XX века — светофор — является образцом доступного для познания правила поведения, что и предопределяет его эффективность и всемирное распространение. Другой пример: типовые лицензии Creative Commons, позволившие сделать прорыв в адаптации авторского права к реалиям Интернета. Эти лицензии изложены на трех уровнях: юридическом, «для обычного человека» и машиночитаемом. Уровень «для обычного человека» позволяет буквально за несколько секунд понять, какие возможности предоставляются текстом лицензии, и сделать выбор. При этом существует полноценный юридический текст, учитывающий наиболее распространенные обстоятельства, в которых может складываться правоотношение, урегулированное лицензией. Во многом ориентация на когнитивные способности адресата правовой нормы предопределила успех Единого портала государственных и муниципальных услуг (gosuslugi.ru). При наполнении данного веб-сайта была проведена огромная работа по структурированию требований к получателям услуг, изложению этих требований в доступной и наглядной форме.

Социологи отмечают, что «в России очень плохо пишутся законы, и по мере ужесточения режима они пишутся все хуже, потому что нет обратной связи. Правила пишутся от балды. Нет дискуссий, нет диалога, нет площадки для обсуждения. В последнее время уже и ведомственных экспертов не спрашивают, когда пишут законы, про независимых-то давно забыли. И получается, что даже в отсутствие злонамеренности просто не удастся просчитать, какие проблемы возникнут, если очередное правило будет введено» [22]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти: есть дискуссия, есть взаимодействие с экспертами. Но самые важные законопроекты принимаются в трех чтениях за неделю — неудивительно, что написанные таким образом нормы трудно укладываются в головах тех, кому они адресованы. Причину такого волюнтаризма хорошо описал С. С. Алексеев: «главным в жизни является реально существующая в данный момент доминирующая сила (власть), способная оперативно и эффективно принимать решения, необходимые для общества потребления, запрещать, приказывать и позволять. Притом такие решения по схемам «ручного управления», которые при необходимости должны иметь незамедлительный и действенный характер. Такой силой по многовековой традиции стала трактоваться верховная государственная власть (такую же функцию обрели подчиненные верховной власти спецслужбы)» [7, с. 20].

Следовательно, можно констатировать, что быстрому достижению правовым регулированием своего второго предела, способствует отсутствие обязательной для законодателя обратной связи. Без этого право превращается

в свою противоположность — в произвол, и перестает быть правом. Наличие второго предела права требует наличия конкуренции — политической и общественной — при формулировании правовых норм, поскольку, как показывает практика, только она позволяет формулировать правовые нормы, отвечающие когнитивным возможностям субъектов: познаваемость норм многократно проверяется еще на стадии их разработки. Здесь работают те же законы, что и в рыночной экономике: конкуренция, невидимая рука рынка, а фактически — само человечество как самый мощный из доступных нам вычислительных ресурсов эффективно ограничивают взаимные интересы субъектов, позволяя найти пусть даже не самое эффективное, но хотя бы понятное решение и закрепить его в правовой норме.¹ Так называемое *lex informatica* [24, с. 553–593], «право как код», то есть правовые нормы, подкрепленные обеспечивающими их исполнение информационными технологиями, тоже дает сильнейший эффект обратной связи, выступая своего рода «сывороткой правды» для законодателя. В этом случае не качество законов обеспечивает их надлежащее выполнение, а наоборот, неизбежность выполнения законов (в силу невозможности обойти технологию) ставит особые требования к качеству закона.

Перейдем к внешним пределам правового регулирования. Первым из них выступает достаточно хорошо раскрытый в литературе территориальный предел (действие закона в пространстве и по кругу лиц). Как указывает А. А. Тилле, принцип территориального действия законов самым плотным образом связан с принципом суверенитета: «власть государства ограничена его территориальными пределами (границами) и действие его велений (законов) не выходит за эти пределы» [25, с.104]. Экстерриториальное действие закона (то есть применение его вне пределов юрисдикции данного государства) возможно, но является скорее исключением, требующим в большинстве случаев согласия того государства, на территории которого применяется норма (например, путем применения судом иностранного права).

Вопрос о территориальном пределе правового регулирования с новой силой стал обсуждаться по мере развития интернета. Уже в ранних исследованиях по тематике права и интернета проблемы юрисдикции, коллизионного права, экстерриториального действия законов получили центральное место [26, с.10; 27, с.66; 28, с.14]. С подписанием Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS №85 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.), предусматривающей право на преследование нарушителя на виртуальной «территории» другого государства, разоблачениями Э. Сноудена, появлением в российском законодательстве института «организатора распространения информации» вопрос об интернете как «новой территории» приобрел еще большую актуальность. Поскольку возможные пути решения данной проблемы были рассмотрены ранее [29], хотелось бы отметить наличие «встроенного» механизма обратной связи в данном пределе правового регулирования. Поскольку право, как отмечалось выше, обеспечивается государственным принуждением, экстерриториальное действие закона также возможно только в тех случаях, когда государство сможет обеспечить принудительное осуществление норм своего права в другом государстве. Можно сколько угодно пытаться распространить действие российских законов на американские компании, но принудительно реализовать соответствующие

¹ «Мир принадлежит 7 млрд человек, а не нескольким мировым лидерам, диктаторам, королям-королевам или узколобым религиозным деятелям. Каждая страна в конечном счете принадлежит людям, а не правительствам и политикам. Изменив к лучшему себя, люди смогут сделать лучше и мир вокруг» [23].

нормы возможно только в случае, когда эти компании участвуют в отношениях с российскими организациями или гражданами. В то же время, территориальный предел правового регулирования достаточно гибок, поскольку право всегда следует за общественными отношениями, которые оно регулирует. Общественные отношения выступают «ниточками», за которые можно аккуратно притянуть ту или иную область деятельности в мире или в регионе под юрисдикцию сильного государства. Это происходит с персональными данными в силу Конвенции Совета Европы ETS N108, с финансовой информацией в силу FATCA — примеров можно привести множество. Достижение и преодоление территориального предела правового регулирования, таким образом, является прямым следствием неуспешности или успешности внешней политики того или иного государства.

Вторым внешним пределом правового регулирования выступает неприкосновенность частной жизни. Связано это с тем, что за последние несколько десятков лет акцент в правовой охране частной жизни сместился с неприкосновенности на право контролировать информацию о себе. Эту трансформацию убедительно показывает Stefano Rodotà, просто перечисляя определения *privacy* разных лет: Warren and Brandeis — “the right to be left alone” (1890-е) и A. Westin — “the right to control the way others use the information concerning us” (1970-е). Впрочем, сам данный исследователь придерживается дуалистического понятия *privacy*, определяя ее как “the right to keep control over one’s own information and determine the manner of building up one’s own private sphere” [30, с.78–79]. В отечественном же законодательстве подходы «неприкосновенности» и «контроля» и вовсе смешались: регулирование отдельных видов отношений, прежде всего — обработки персональных данных, обосновывается необходимостью защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [31, с.2]. Однако — и это подчеркивается некоторыми исследователями — персональные данные и неприкосновенность частной жизни суть разные правовые категории [32]. На том же тезисе основывается и позиция Конституционного Суда Российской Федерации: «В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер» [33]. Неприкосновенность частной жизни, таким образом, необходимо расценивать в качестве предела правового регулирования, за которым право теряет свою силу.

В пользу наличия данного предела можно выдвинуть две группы аргументов: одни относятся к тому, что право не должно вторгаться в частную жизнь, другие — что право фактически не может регулировать частную жизнь. Аргументы первой группы использовались с конца XIX века при формировании самого института приватности (*privacy*), института неприкосновенности частной жизни. Знаменитая работа Воррена и Брандейса, которой был введен в научный оборот сам термин «приватность» (*privacy*), опиралась на сформировавшуюся к тому времени в судебной практике доктрину «права быть оставленным в покое» — “right to be left alone”. Область частной и домашней жизни названа авторами священной, а любое посягательство на нее должно быть пресечено [34, с.195]. В этом же ключе понимается частная жизнь в базовых документах по правам человека:

статье 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 года («Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств»);

статье 8 Европейской конвенции по правам человека 1950 года («Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции»).

Как уже указывалось выше, схожим образом — как сфера, не подлежащая контролю со стороны общества и государства — понимается частная жизнь и Конституционным Судом Российской Федерации.

Аргументы в пользу того, что право не только не должно, но и не может регулировать частную жизнь, наиболее явно были обозначены в споре о так называемом частном использовании интеллектуальной собственности (прежде всего, копировании произведений в личных целях). А. Ю. Кувыркова, рассматривая историю данного вопроса, отмечает: «Ряд зарубежных авторов настаивают на том, что совпадение области, защищаемой правом на неприкосновенность частной жизни, и области, находящейся за пределами законодательства об интеллектуальной собственности, не является случайностью, а соображения неприкосновенности частной жизни лежат в основе современного законодательства об авторском праве и смежных правах и будут вставать на пути любых попыток осуществления исключительных прав в отношении использования объектов в личных целях. Соглашаясь с доводами указанных авторов, нельзя не признать, что указанное ограничение действия исключительных прав существуют все же, скорее, благодаря экономической нецелесообразности и практической невозможности контроля над частным использованием, нежели благодаря принципиальной позиции законодателя» [35, с.47]. Нельзя не вспомнить и эпохальное решение Bundesverfassungsgericht (один из судов ФРГ) 1983 года, который фактически признал невозможность обязать владельцев копировальных салонов контролировать каждую копию, изготавливаемую своими клиентами, не только потому, что подобный контроль нарушал бы право на неприкосновенность частной жизни, предоставленное Основным законом ФРГ, но и потому, что такой контроль практически невозможен [36; 35, с.46–47; 30, с.79]. Надо отметить, что интересы правообладателей при этом не пострадали: достигнув своего предела, правовое регулирование было направлено в другое русло, в результате чего появился сбор с производителей копировального и звукозаписывающего оборудования в пользу организаций по управлению правами на коллективной основе.

Безусловно, современные информационные технологии соблазняют возможностью выйти за данный предел правового регулирования, вторгнувшись в частную жизнь, и законодатель зачастую идет на поводу у этого соблазна. Наступление на частную жизнь идет в сфере авторского права и смежных прав: последовательно были добавлены статьи про технические средства защиты авторского права и смежных прав (статья 48.1 Закона РФ от 9 июля 1993 г. №5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»), потом из пункта 3 статьи 1299 ГК РФ было убрано упоминание о том, что технические средства защиты авторского права ограничиваются случаями свободного использования произведений,

затем были ограничены и сами случаи свободного использования в личных целях (пункт 1 статьи 1273 ГК РФ). Все эти поправки дали правообладателю неограниченную возможность контролировать частное использование путем внедрения технических средств защиты авторского права, неизбежных для пользователя. Вторжение в частную жизнь идет и в области публичного права: поправки [37; 38] в Федеральные законы от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установили обязанность операторов связи и организаторов распространения информации хранить содержание сообщений своих пользователей.

Однако практика показывает неэффективность любых попыток регулирования частной жизни. Как было показано ранее [39], те компании, которые не пытаются контролировать частное использование, получают конкурентное преимущество на рынке. Нет смысла бороться с собственными пользователями. В этом и заключается смысл неприкосновенности частной жизни как предела правового регулирования: любые попытки выйти за него являются неоправданными; при этом, как правило, существует решение проблемы, не связанное с выходом за данный предел правового регулирования (например, сбор с производителей оборудования в случае с частным использованием произведений).

Зарубежная доктрина демонстрирует возврат к разделению категорий «неприкосновенности» и «контроля» применительно к частной жизни, которые, как рассматривалось выше, неоправданно смешались в 1970–90-е годы. Так, в Статуте фундаментальных прав ЕС [40] были разделены Статья 7, посвященная праву на уважение к частной и семейной жизни, и Статья 8, посвященная праву на защиту персональных данных (т.е. данных, относящихся к этому человеку). С. Родота, анализируя данные положения Статута, отмечает принципиальную разницу в данных категориях: право на уважение к частной жизни — это «статическое» право, право с отрицательным содержанием, действующее «против всех» и защищающее от вторжений. Право на персональные данные — это право «динамическое», побуждающее к собственным действиям субъекта, и следующее не за субъектом, а за данными о нем, его «цифровым» образом. «Мы сталкиваемся с заново изобретенной защитой персональных данных — не только потому, что она создает самостоятельное фундаментальное право, но и потому, что она является эффективным инструментом для развития индивидом собственной личности» [30, с.80]. К этому можно добавить и то, что право контролировать данные о себе, о котором часто говорится в литературе, не является обязанностью контролировать такие данные, и в том числе поэтому здесь требуется публично-правовая охрана. В одном случае она будет защищать от вторжения в частную жизнь, в другом — предотвращать незаконное использование персональных данных в общественных отношениях.

В рамках своих пределов правовое регулирование является уникальным инструментом, позволяющим упорядочивать общественные отношения. Конечно, нельзя забывать и про наличие системы государственного принуждения как фактора эффективности правового регулирования. Однако она вступает в действие только в тех случаях, когда правовое регулирование используется как инструмент изменения общественных отношений, а не как инструмент фиксации сложившихся в обществе отношений. Понимание этого момента крайне важно в целях экономного использования ресурсов государства,

ресурсов аппарата принуждения. Во многих юридических работах используется красивое словосочетание «поиск баланса». Е. А. Войниканис в своей работе [41] указывает на множество исследований и правовых актов, где упоминается необходимость поиска баланса интересов, и даже говорит о принципе баланса интересов применительно к праву интеллектуальной собственности. Так вот, экономия государственного принуждения требует, чтобы право не «искало баланс» интересов, заставляя общественные отношения изменяться против воли их участников, а лишь фиксировало тот баланс интересов, который уже сложился в обществе, который понят и принят участниками отношений. «Правопреобразующая» функция может использоваться лишь тогда, когда принято решение о реформе, изменении отживших свое или неэффективных отношений. Общество в большинстве случаев способно само найти такой баланс в силу состояния конкуренции, когда интересы сторон взаимно ограничиваются самостоятельными действиями каждой из них. «Поиск баланса» средствами правового регулирования необходим только тогда, когда конкуренция отсутствует, то есть одна из сторон правоотношения является слабой и не может эффективно отстаивать свои интересы (в экономическом анализе права такие ситуации описываются как market failure, сбой конкурентного механизма, требующие, как минимум, в среднесрочной перспективе, вмешательства государства). Однако и в этом случае цель правового регулирования должна заключаться в том, чтобы запустить рыночные, конкурентные механизмы защиты субъектами своих интересов — прежде всего, на основе информационных технологий, устраняющих транзакционные издержки. Наличие таких рыночных, конкурентных механизмов позволит не тратить ресурсы государства по поддержанию баланса интересов.

Данная работа выполнена согласно плану фундаментальных научных исследований в рамках государственного задания МГУ, части 2, на 2018 год (ПННИ «Проблемы цифровой экономики», тема «Проблемы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности, непосредственно связанные с личностью физического лица»).

ЛИТЕРАТУРА

1. МОРОЗОВА Л. А. **Теория государства и права:** Учебник. М., 2002.
2. **Общая теория государства и права.** Академический курс в 2 томах. Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. М., 1998.
3. ЛЕНИН В. И. **Полное собрание сочинений** (5-е издание). Москва: Издательство политической литературы, 1965-75. Т. 2.
4. АЛЕКСЕЕВ С. С. О **понятии права** // «Правоведение», 1970, № 1.
5. БРАТУСЬ С. Н. **Юридическая ответственность и законность:** очерк теории. М., 1976.
6. РАБИНОВИЧ П. М. **Право как веление общественного сознания.** «Правоведение», 1972, № 2.
7. АЛЕКСЕЕВ С. С. **Крушение права.** Poleмические заметки. Екатеринбург, 2009.
8. ZHEREBTSOV MIKHAIL. **President Putin's Conception of the Rule of Law** // Journal of parliamentary and political law [8 J.P.P.L.].
9. ЕМЕЛЬЯНОВ В. **Запрет злоупотребления гражданскими правами.** // «Законность», 1999, № 10.
10. **Постановление Правительства РФ от 11 октября 1994 г. № 1158 «О порядке учета, хранения и использования средств цветного копирования в Российской Федерации».**
11. **Постановление Правительства РФ от 29 июля 2010 г. № 580.**
12. **Интернет-интервью с В. Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ.** URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkinbd/> (дата обращения 01.07.2018)
13. ПЕТРОВА Н. **Справедливость в порядке очереди.** URL <http://kommersant.ru/doc/2944658> (дата обращения 01.07.2018).
14. ПОКРОВСКИЙ И. А. **Гражданский суд и закон. Проблема их взаимоотношения** // Вестник гражданского права, 2009, № 1, т. 9.

15. **Соглашение о создании Содружества Независимых Государств** (Минск, 8 декабря 1991 г.).
16. **Положение о народном суде, утвержденное Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 года.**
17. ДОЗОРЦЕВ В. А. **Принципиальные черты права собственности в гражданском кодексе** // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский; М.: Родос, 1998.
18. АБРОСИМОВА Е. А. **Российский некоммерческий сектор: пределы правового регулирования** // Сборник научно-практических статей III-ей Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 года, г. Москва) (под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой) М., 2016.
19. ВЛАСОВ В. И., НИЗОВЦЕВ В. В., ШЕВЧЕНКО В. Л. **Основы правообразования: учебное пособие для студентов неюридических специальностей.** Ростов-на-Дону, 1997.
20. ГРИБАНОВ В. П. **Осуществление и защита гражданских прав.** М., 2001.
21. ВОЛКОВ А. В. **Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике** (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). Специально для системы ГАРАНТ, 2012.
22. **Интервью Эллы Панеях изданию «Медуза»** URL <https://meduza.io/feature/2016/02/19/v-rossii-gosudarstvo-namno-guzhe-naseleniya> (дата обращения 01.07.2018).
23. С. КУЧЕР. **Интервью с Далай-Ламой XIV** // Газета «Коммерсантъ» № 149 от 16.08.2017, с.6.
24. REIDENBERG, JOEL R. **Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules Through Technology** // Texas Law Review Volume 76, Number 3, February 1998.
25. ТИЛЛЕ А. А. **Время, пространство, закон.** М., 1965.
26. КЕМРАДЖ А. С. **К вопросу об юрисдикции государства в отношении отдельных сегментов сети Интернет** / Правовые аспекты использования интернет-технологий. М., 2002.
27. ЯКУШЕВ М. А. **Интернет и право** // «Законодательство», 1997, № 1.
28. МАЛАХОВ С. В. **Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет.** Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
29. ДМИТРИК Н. **Единый и неделимый? Как уберечь глобальный интернет от национального дробления.** URL: <https://digital.report/global-vs-national-internet/> (дата обращения 01.07.2018)
30. RODOTÁ S. **Data Protection as a Fundamental Right** // Reinventing Data Protection? Springer Science+Business Media B. V. 2009.
31. **Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».**
32. ВОЙНИКАНИС Е. А., МАШУКОВА Е. О., СТЕПАНОВ-ЕГИЯНЦ В. Г. **Неприкосновенность частной жизни, персональные данные и ответственность за незаконные сбор и распространение сведений о частной жизни и персональных данных: проблемы совершенствования законодательства** // «Законодательство», 2014, № 12.
33. **Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. N248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»**
34. WARREN S. D., BRANDEIS L. D. **The Right to Privacy.** Harvard Law Review, 1890, 4.
35. КУВЫРКОВА А. Ю. **Осуществление исключительных интеллектуальных смежных прав.** Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2010.
36. KOPIERLÄDEN, **German Federal Supreme Court,** 9 June 1983, GRUR54.
37. **Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ**
38. **Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ.**
39. ДМИТРИК Н. **Пират дома: как бороться с цифровым пиратством.** URL: <https://digital.report/pirat-doma-kak-borotsya-s-tsifrovym-piratstvom/> (дата обращения 01.07.2018)
40. **Charter of Fundamental Rights of the European Union.** URL: www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения 01.07.2018).
41. ВОЙНИКАНИС Е. А. **Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости.** М., 2013.

Адаптивный контекстно-тематический машинный перевод

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 16.05.2018.

**ГОЛЬДРЕЕР Михаил
Маркович**

*Заместитель директора
Волгоградского Центра
антропометрической
(ортопедической)
косметологии и коррекции*

Аннотация

В данной статье показана предыстория создания и преимущества будущего применения изобретения под названием «Адаптивный контекстно-тематический машинный перевод», номер патента 2628202. Показаны особенности и преимущества данной методики.

Ключевые слова:

**иностранные языки,
переводы, контекстно-
тематический перевод,
патенты.**

С 1999 года я работаю в Центре антропометрической (ортопедической) косметологии и коррекции при Волгоградской областной больнице РЖД, в который на операции постоянно приезжают пациенты со всех континентов планеты. На сегодняшний день зафиксировано 46 стран, из которых лечились или лечатся наши пациенты. С теми, что из ближнего зарубежья, проблем нет, они либо знают, либо сносно владеют русским языком. С дальними сложнее: приходится либо приглашать им переводчиков, либо общаться с ними на английском. Руководящий персонал Центра и ведущие врачи вполне сносно понимают и изъясняются по-английски, а вот средний и младший персонал не владеют... А ведь именно они больше всего общаются с нашими «инопациентами», когда те восстанавливаются после операций в больничных палатах. Без словесного взаимопонимания возникает слишком много проблем, отвлекающих врачей и руководство Центра от более важных дел. Поэтому решили попробовать те переводческие приложения, с которыми можно общаться голосом через смартфоны. Было устроено предварительное тестирование.

В присутствии наших переводчиков попытались разговаривать с нашими «инопациентами» через гаджеты самыми простыми фразами на простые темы. Вышел полный кошмар! Перевод оказался настолько коряв, что было трудно уловить даже общий смысл сказанного, к тому же он получался ещё и нестабильным, одни и те же фразы в разное время переводились по-разному. Тогда обратились за консультацией в компании машинного перевода, а те ответили, что сумели бы настроить нам переводческие приложения так, чтобы персонал вполне сносно мог общаться на элементарные темы с иностранцами, а компании постепенно, по мере привыкания наших людей, расширяли бы тематические возможности этих приложений. Но цена, которую Центру пришлось бы платить за эти услуги, оказалась такой, что превышала имеющиеся у нас неудобства.

Вот тогда я впервые и задумался, а почему собственно машинный перевод, несмотря на все компьютерно-программные достижения, неспособен даже на простейшем уровне заменить переводчика-человека? Причём буквально сразу же я обратил внимание, что все переводческие программы в той или иной степени как раз и пытаются воспроизводить методику мышления живого переводчика. Впрочем, это и понятно, другой методики в природе существовать не может, а специалисты по компьютерной лингвистике часто сами начинали как

специалисты-переводчики. Надо сказать, что сам я когда-то очень давно увлекался изучением искусственного языка международного общения «эсперанто». И овладел им достаточно прилично, во всяком случае свободно мог изъясняться с эсперантистами других стран, бывая в этих странах. Обычно утверждают, что иностранным языком можно овладеть за три года, если заниматься по несколько часов каждый день.

А эсперантисты говорят, что занимаясь таким же образом, можно усвоить эсперанто за три месяца. И правда, этот искусственный язык имеет очень лёгкую грамматику, строгую морфологию, логичен как последовательный ряд математических формул и никаких исключений-завихрений, которые во множестве приходится зазубривать при изучении естественных языков. Эсперанто идеально подходит для передачи краткой, ёмкой и сугубо конкретной информации иноязычному собеседнику. А ведь именно такой способ лучше всего подходит для общения разноязычных людей, когда они вынуждены общаться.

Как бы там ни было, но, благодаря эсперанто я сам получил опыт переводчика, так как в разных странах обеспечивал общение моих друзей-эсперантистов с моими соотечественниками, которые не владели ни эсперанто, ни языком страны пребывания. На базе этого скромного опыта я и начал строить свои первые умозаключения о возможности рождения методики машинного перевода, которая бы максимально подходила как для людей, так и для компьютеров.

Исходя опять же из своего опыта, я составил приблизительную модель того, как работает мышление человека-переводчика в процессе живого разговора. Прежде всего он заранее и точно представляет себе тему разговора, а переводит его, получая от собеседников короткие фразы из двух-трёх, а часто из одного предложения в виде готовых контекстов, в которых однозначно ясен смысл каждого слова. Затем он мысленно строит фразу на другом языке так, чтобы она максимально точно передавала смысл, — именно смысл, а не слова предыдущего собеседника, — и озвучивает её собеседнику иноязычному, стараясь исходить из понятий и традиций его страны. И когда я задумался, что же мешает современным суперкомпьютерам с супер-памятью, с немислимыми для человека скоростями перебора вариантов и подсчётов, неутомимым и бесчувственным, вот так же, по достаточно примитивной схеме, переводить столь же точно и понятно, как это делает переводчик-человек?

И без всяких философских выкладок понял — не могут, потому что не соображают, не мыслят. Именно попытка создать машинного переводчика наиболее наглядно доказывает на сегодня невозможность создания искусственного интеллекта, хоть как-то приближенного к интеллекту не то что человеческому, но даже животному. Всё просто: любой компьютер, суперкомпьютер, сеть из кучи компьютеров соображать не способны! Потому что не живые! Потому что они просто счёты, арифмометры, конечные автоматы... Количество их внутренних состояний всегда конечно, изменяется только от внешних сигналов-команд, и даже если заложить в компьютер программу самообучения, то она будет только увеличивать в нём конечное число внутренних состояний, исходя из каких-то внешних сигналов, которые она способна распознать, и всегда будут такие, которые она распознать неспособна, а соответственно и отреагировать.

Можно создать компьютер с таким количеством внутренних состояний, в виде знаний и умений, на которые неспособны не то что животные,

но и множество людей, но нет таких компьютеров, которые подобно человеку или животному могли бы сами познать, научиться использовать или избегать опасности со стороны неожиданного и совершенно незнакомого явления или обстоятельства. Потому что у неживых систем количество внутренних состояний конечно и управляется по неизменным программам, а у систем живых оно бесконечно, и вырабатываются эти внутренние состояния как от сигналов внешних, так и от сигналов, порождаемых внутри самой системы самым непредсказуемым и непрограммируемым образом. Это и есть живая способность к соображению-мышлению, вещь мистическая, абсолютно непознанная, как тайна самой жизни.

Наиболее продвинутые читатели мне могут возразить, указав на то, что уже есть компьютеры, обыгрывающие в шахматы чемпионов мира. Да, это так... И система шахматной игры, как порождение человеческого ума, показала, что число её внутренних состояний, то бишь игровых комбинаций, подсчёту не поддаётся. Но теория конечных автоматов неумолима и даёт достаточно простое объяснение. История шахматной мысли гласит, что каждый шахматный гений в начале пути, опираясь на свою память, аналитику и скорость мысли, быстро изучал все выигрышные партии своих выдающихся предшественников. Используя эти знания, легко побеждал более слабых соперников, а когда сталкивался с теми, кто обладал не меньшим багажом знаний и опыта, то придумывал свои личные приёмы игры, создавая свои победные партии. Но затем этот опыт приучал его действовать автоматически, пока не появлялся новый соперник, который своей личной манерой игры преодолевал победоносный опыт предыдущего чемпиона. То есть можно сказать, что на каком-то этапе своего развития, победоносный опыт шахматных чемпионов стирает ту живость мысли, которая когда-то и вывела их в чемпионы. Они продолжают играть блистательно, сложно, но в чём-то — предсказуемо... То есть в какой-то степени превращаются в конечные автоматы. Именно это и использовали программисты шахматного суперкомпьютера. Они заложили в его программу все имеющиеся победоносные партии великих шахматных чемпионов всех времен и народов.

Такой умственный багаж не под силу никакому человеческому уму, в этой же программе были заложены все известные возможные переходы от розыгрыша одной партии к другой в зависимости от действий соперника. После этого пригласили к игре чемпионов мира. И получилась игра двух конечных автоматов, только один в процессе игры способен уставать, волноваться, забывать, терять сосредоточенность, долго раздумывать, а другому всё это чуждо. Вот и «подмялся» человек машиной! Но я абсолютно уверен, что если бы собралась группа великих шахматистов, поиграла бы с компьютерным монстром, спокойно проанализировала все свои партии и в конце концов нашла способ его обыграть, причём потом сами шахматисты удивлялись бы, сколь легко это можно было сделать, нащупав серию нестандартных комбинаций, не имевшихся в памяти компьютера. Правда эта серия в следующей игре уже бы не помогла, ибо сразу «вбилась» в компьютерную память вместе с нужными ответными ходами, которые программисты выспросили бы у тех же шахматистов.

Осознав вышенаписанное, я приступил к знакомству с действующими методиками машинного перевода и обнаружил, как уже сказано выше, что все эти наборы взаимосвязанных программ работают приблизительно одинаково,

то есть заданные им тексты они анализируют тематически, грамматически, пытаются уловить смысл отдельных фраз и связать его с традициями языка, истории и географии страны этого языка, после чего идёт основная работа по статистическому сравнению с находящимися в памяти системы ранее переведёнными текстами схожей тематики. После этого выдаётся результат, который проверяется и дорабатывается окончательно человеком-переводчиком. Результат этот тоже закладывается в память системы для помощи в переводе других текстов.

Такие программы перевода можно настраивать для повышения их результативности, и чем уже специализированная тематика и выше повторяемость задаваемых текстов, тем эффективнее настраивается переводческая программа. На этой же основе были созданы и приложения для голосового общения между разноязычными людьми для переносных гаджетов, естественно, что без длительной и тщательной настройки они работать неспособны, но даже и после такой индивидуальной, тщательной и дорогостоящей настройки возможности общения будут очень ограничены, то что сгодится для разговоров с одним собеседником или группой собеседников, может оказаться практически непригодным для других. Ну и зачем тогда платить за такие настройки? Вот и нет сейчас настоящих программ-разговорников для тех же туристов. А ведь именно такие программы, на мой взгляд, и должны стать высшим достижением для машинного перевода.

Далее я решил посмотреть, а какие же методы машинного перевода изобретены и запатентованы на сегодняшний день. Порылся в базе данных Роспатента и обнаружил там один-единственный патент под названием «Адаптивный машинный перевод» от 2010 года, заявка от 2004 года, за номером 2382399, патентообладатель — компания Майкрософт, США. Проштудировав патент, я увидел, что в нём изложена принципиальная схема работы со статистическими и вспомогательными программами машинного перевода, известными из открытых источников на сегодняшний день, — том числе и «open source» программное обеспечение, на базе которого строят свои онлайн-сервисы или свои фирменные программные продукты подавляющее большинство компаний машинного перевода в мире, одновременно и бесплатно пополняя базу данных переводческой системы самого Майкрософта.

В блок-схеме патентованного способа перевода компании Майкрософт особый интерес у меня вызвал элемент под названием «источник надёжной информации»: если пользователь работает над своим переводом, пользуясь программой перевода, имеющей доступ в интернет, или тем более — при использовании онлайн сервиса, то части текста или отдельные фразы, которые ещё не заложены в статистической памяти системы, отправляются ею в некий центр обработки, где либо люди-переводчики переводят этот фрагмент, либо специалисты обрабатывают его с помощью особых программ, после чего перевод фрагмента предоставляется пользователю, одновременно оседая в базе системы. Компании скорее введут в штат переводчиков, чем станут рисковать конфиденциальностью своей служебной информации, а вот для обычного рядового пользователя такая система с обратной связью весьма подходяща. Однако в силу своей конечной пропускной способности, с ростом запросов от индивидуальных пользователей работа в режиме реального времени такой системы представляется проблематичной.

Что же делать? А разве обязательно в способах машинного перевода воспроизводить полностью схему работы человеческого мозга, которая априори всегда будет недостижима для любого конечного автомата? Если задача для компьютера нерешаема, то может быть облегчить ему задачу? Смириться с мыслью, что любая, самая умная машина всегда всего лишь помощник, но никак не равноправный партнёр, и, исходя из этого, бесконечно совершенствовать таких помощников, не ставя им запредельных задач? Тут я снова вспоминаю пример с проигрышами чемпионов мира шахматному суперкомпьютеру... Они проиграли ему потому, что сами уподобились вольно или невольно конечным автоматам и в этом качестве конечно же не могли выиграть у более мощной системы. Но там было соперничество.

А что если в машинном переводе применить такую же схему с обратным знаком? Создать сотрудничество мощного конечного автомата-исполнителя с командующим конечным автоматом, роль которого исполнит человек. То есть человек во взаимодействии с компьютером-переводчиком ограничит свои требования строгими и предсказуемыми рамками, в которых не будет места живой спонтанности, и компьютер получит комфортные условия работы, отвечающие его технической, а не живой сущности, которой в нём нет и быть не может! Руководствуясь такой постановкой задачи, я за семь лет работы, затратив два последних года на патентование (горжусь, американцы на получение своего патента в России затратили 6 лет!), зарегистрировал летом 2017 года своё изобретение, номер патента 2628202 под названием «Адаптивный контекстно-тематический машинный перевод» (можно ознакомиться на сайте Роспатента!).

В этом способе всё будет работать так... Пользователь устно или письменно задаёт переводческой системе некий текст. Система принимает его не целиком, как прежние системы, а каждое законченное предложение-фразу по отдельности, тут же начиная эту фразу переводить. На экране своего гаджета пользователь после каждой фразы своего текста видит другую фразу на своём родном языке, так называемую стандартную фразу, которую система нашла в своей памяти в качестве аналога, наиболее точно отражающего смысл того, что говорится во фразе, заданной пользователем. Наряду со стандартной фразой, на экране возникают названия тем, которые этой фразе способны соответствовать. Пользователь выбирают нужную тему и даёт команду на перевод, после чего стандартная фраза переводится точно и однозначно на иностранный язык в виде имеющейся в памяти системы на этом языке парной стандартной фразы.

Если в задаваемом тексте окажется фраза, которой в памяти системы не имеется соответствующей стандартной фразы, то она вместе с полным текстом, который задаёт к переводу пользователь, попадает в центр достоверной информации, где компьютерные лингвисты и переводчики подбирают ей стандартный аналог и тему, делают перевод и закладывают это всё в память системы. Если пользователь увидел на экране стандартную фразу, парную фразе, заданной из текста, но не увидел среди набора тем ту, что отвечала бы смыслу фразы, то он сам набирает название нужной темы и отправляет в центр достоверной информации, а там делают соответствующий стандартный перевод фразы и тоже всё закладывают в память системы. Так она непрерывно пополняется, обогащается и самообучается. И будет вполне годиться для работы с гаджетами обычных индивидуальных пользователей, именно на них она прежде всего

и рассчитана. Но профессиональным переводчикам она тоже способна облегчить работу гораздо рациональнее статистических систем перевода. Вот как это будет выглядеть... Переводчик даёт сигнал системе — «работает профессионал»! После этого запускает свой текст, смотрит на экран, выбирает темы для стандартных фраз и даёт команды на перевод.

После того, как получает всё, что системе удалось перевести, сам переводит фразы, которые система не смогла осилить. Затем окончательный перевод всего текста посылает системе в центр достоверной информации, где это соответственно обрабатывается и закладывается в систему. После чего, переводчик, если ему это нужно, требует от системы, чтобы она перевела этот текст ещё на несколько других языков. А система это сделает буквально мгновенно, ибо у каждого предложения в тексте уже однозначно подобраны парные стандартные фразы и соответствующие им темы, так что «думать» не надо, только чистый поиск-перебор по базам данных. Может возникнуть вопрос, а чем моё предложение лучше статистического метода, если принципиальная проблема несоответствия машинного перевода живой речи никуда не исчезла? Формально — так, но я исходил из того, что когда простые разноязычные люди общаются между собой, то делают это обычно недолго и поверхностно, как временные и случайные знакомые, да ещё и достаточно торопливо.

Они жаждут донести друг другу короткую точную информацию с небольшим набором тем, и в этом случае моё предложение будет вполне работоспособно и востребовано. Особенно, когда люди привыкнут работать с этой системой. Я больше чем уверен, что они с удовольствием начнут запоминать стандартные фразы из системы, чтобы не ждать их подбора, если сказанная фраза нестандартна. Среди молодёжи разговор стандартными фразами, которые гаджет способен сразу же перевести на другой язык, может стать модой, трендом!

Тут же встаёт вопрос, а что должно стать речевой основой для будущих стандартных фраз в системе контекстно-тематического перевода? В этой связи я вспоминаю годы моей срочной солдатской службы в Советской Армии. Как ни странно, я любил там на досуге(!) читать армейские уставы, не учить, не выполнять, а именно читать! Мне дико нравился тот чистый, рациональный, лаконичный и понятный русский язык, которым уставы были написаны. Ну просто армейское воплощение классической русской литературы! Этот язык легко понимали даже самые неразвитые солдаты, весь личный запас слов у которых едва ли превышал лексикон пресловутой Элочки-людоедки. Вот я и считаю, что речевой основой стандартных фраз в компьютерной системе контекстно-тематического перевода должен стать язык классической литературы всех языков мира. И я предлагаю это отнюдь не из морально-воспитательных или эстетических соображений, а чисто практически. Классическая речь легко усваивается, отлично понимается носителями языка и быстро, точно, немногословно переводится на иностранную литературно-классическую речь. Теперь о технических преимуществах контекстно-тематического перевода. Прежде всего это резкое упрощение программного обеспечения, вместо сложнейших программ статистического анализа, поиска, сравнения на первый план выходят несложные программы простого сравнительного поиска-перебора в базах данных. А это даст, на мой взгляд, такую экономию вычислительных мощностей, что и нейронные сети «нервно закурят в сторонке». Из аналитических программ на первый план

выйдут программы морфологического и синтаксического анализа для помощи персоналу центров достоверной информации, чтобы оперативно согласовывать все эти спряжения, времена, падежи, знаки препинания и т.д. Предвижу, что по мере развития систем контекстно-тематического перевода найдут себе применение и другие виды программ, которые сейчас уже разработаны и действуют в машинном переводе, но думаю, что они будут работать на несколько других принципах, начнут работать эффективнее, точнее, экономнее используя вычислительные мощности систем машинного перевода.

P.S. Хочу добавить, что в рамках информации, которую полагается давать в патентной документации, просто невозможно изложить всё, что составляет полную суть изобретения и способы его реализации. Поэтому команде, которая приступит к воплощению данного проекта в жизнь, я смогу сообщить немало того, что сможет значительно сэкономить их время, ресурсы и, главное, интеллектуальные усилия...

Паломничество и религиозный туризм в информационном обществе

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 15.02.2018.

ФЕДОРОВА Марина Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова», Нижний Новгород

Аннотация

В статье рассматривается состояние паломнической традиции и религиозного туризма в информационном обществе. Формируемый в новых цивилизационных условиях новый тип религиозности деформирует паломническую традицию, включает ее в сферу туристской индустрии. Помимо изменения статуса паломничества в информационном обществе, оформляются и новые виды религиозного туризма. В данной статье предлагается анализ одного из них, который мы предлагаем называть «религиозно-симуляционный туризм».

Ключевые слова:

информационное общество, новая религиозность, паломничество, религиозный туризм, светское паломничество, эзотерический туризм, религиозно-эзотерический туризм.

С современным обществом под влиянием таких взаимообуславливающих факторов, как глобализация, массовая культура, становление информационно-коммуникативного пространства, наблюдаются сложные эволюционные процессы в различных социальных институтах, меняются ценности и нормы, деформируются традиции. Этот процесс деформации показателен на примере традиционной религиозности [1, с. 102–104], религиозных ценностей и ритуальных практик (таких как, например, паломничество).

В рамках данной статьи мы определяем паломничество как уникальный феномен, присутствующий практически в каждой религиозной традиции и влияющий на религиозное сознание и религиозное поведение верующих определённой конфессии. При этом необходимо учитывать, что паломничество выступает не только символом путешествия по неким внешним географическим, пространственным точкам, но и символом интеллектуального, духовного развития, некоего внутреннего «перемещения», возможно даже не связанного с религией. В качестве примера можно вспомнить множество философских и художественных книг: «Паломничество к ненасилию» М. Л. Кинга, «Паломничество в Страну Востока» Г. Гессе или «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж. Байрона и т.д.

В то же время пространственное перемещение помогает раскрыть духовную сущность паломнической традиции. Путь к цели и сама цель: географическая точка — все наполнено сакральным смыслом, является проявлением священной реальности. Такое проявление священной реальности М. Элиаде называет иерофанией. Иерофаниями, по М. Элиаде, выступают не только мифологические образы, но и определённые природные объекты (горы Синай, Фавор и т.д.), архитектурные постройки, культовые сооружения (храмы, скинии, алтари), а также многое другое, что становится центрами паломнической традиции. Для верующего («homo religiosus», в трактовке М. Элиаде) пространство неоднородно: одни части пространства воспринимаются как сакральные, то есть

как некие локальные иерофании (проявления Священного), другие части воспринимаются как аморфные, лишенные святости [2, с. 22–46].

Концепция священного пространства М. Элиаде стала одним из идейных источников такого направления геокультурологии, как сакральная география, феноменология пространства. Понимание того, что географическое пространство взаимосвязано с различными религиозными, культурно-философскими и социально-политическими идеями нашло отражение в отечественной и зарубежной научной мысли [3;4;5 и др.]. Так, автор концепции географических образов Д. Н. Замятин выделяет физический и метафизический пласт всякого путешествия (которые с особой очевидностью проявляются в паломничестве). «Если в чисто семиотическом срезе совместить понятие внешнего с профанным, а понятие внутреннего — с сакральным, то онтологическая роль настоящего путешествия заключается в переводе, «перетаскивании», перекидывании внешнего «профанного» пути в сферу внутреннего, «сакрального» шествия [6, с. 23]. При этом, автор отмечает и возможность «обратного» процесса: десакрализации путешествия, паломничества, возникающей вследствие фиксации путешественника на внешних признаках, подробного описания «собранный местной статистики, зарисовках и эскизах» [6, с. 24].

В различных религиозных культурах паломничество, осуществляемое в «сакральном» хронотопе, представляет собой четко разработанный ритуал, включающий некую целеполагающую установку (общение с Богом через почитание святынь), ценностно-нормативное содержание, а также способ выражения («комплекс символических языков и устойчивую композицию») [7, с. 5–8]. Несмотря на выделение единых типовых черт, характерных для паломничества разных религиозных культур, все-таки необходимо отметить, что православное паломничество имеет особый смысл, так как рассматривается в контексте феномена странничества (наряду с юродством и монашеством). Таким образом, странничество — это вид духовного подвига, «самобытная форма русского мессианства», апеллирующая к идее «пророческой скитальческой Руси» [8, с. 5–7].

В современном православии паломничество выполняет ряд важных функций [9, с. 8]: духовно-просветительскую, образовательную, социальную, функции благотворительной и миссионерской деятельности.

Однако Русская Православная церковь (так же, как и другие традиционные конфессии) сейчас оказывается в крайне непростой ситуации адаптации к условиям информационного общества. Как справедливо отмечает Л. В. Баева, информационное общество порождает новые экзистенциальные риски, связанные с трансформацией традиционной культуры и их «многовековых нравственных императивов» [10, с. 26]. Например, экзистенциальные проблемы личности (смерть, свобода/несвобода и т.д.), решаемые раньше в контексте традиционной религиозности, переносятся в новую форму бытия: виртуальную и т.д.

Традиционным религиям приходится приспосабливаться к вызовам информационного общества: еще в 2004 году патриарх Алексий II (Ридигер) выступил на Архиерейском соборе, где озвучил намерение разработать единую информационную политику Церкви. В ходе реализации этого намерения был создан сайт РПЦ, организован Синодальный информационный отдел (впоследствии преобразованный в Синодальный отдел Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества), разработан «Стандарт присутствия

епархий Русской Православной Церкви в Интернете», а также РПЦ активно начала осваивать различные информационные каналы, включая канал YouTube и т.д.

На наш взгляд, основным препятствием, затрудняющим деятельность РПЦ и ряда других традиционных конфессий в информационном пространстве, является коренная несовместимость ценностных установок Церкви и основной парадигмы информационного развития. Информационное общество строится на приоритете знания, признания его главной ценностью, собственно, поэтому и возникает попытка осмыслить современный этап развития информационного общества, как «общество знания» [11, с. 7–8]. В то время, как для традиционных конфессий главной ценностью была и остаётся вера. Можно много рассуждать о диалектике веры и знания (особенно в концептуальном пространстве философской мысли), но одно очевидно — идея капитализации знаний, приоритетная для современного социума, чужда православному миропониманию. Следующее препятствие коренится в установке на плюрализм, формируемой в современном обществе. Данная установка с вытекающим из нее требованием толерантности, подразумевает признание относительности религиозных истин, что, в принципе, для любой (прежде всего, авраамической) религии не приемлемо. Поэтому параллельно с традиционной в информационном обществе начинает формироваться новый тип религиозности.

Новая религиозность характеризуется рядом специфических черт, среди которых стоит выделить такие, как деинституциализацию и индивидуализацию религии, приводящую к оформлению феномена внецерковной религиозности (Т. Лукман характеризовал данное явление как «приватизация религии»). Религиозная идентичность, формируемая в современном обществе, отличается синкретизмом, эклектикой, плюрализмом, склонностью к свободному конструированию и активному мифотворчеству. Собственно, новая религиозность базируется на мифах и идейных конструктах современной массовой культуры. При этом наблюдается рост интереса к религии: и не только к ее традиционным формам, но и к новым религиозным (или религиозоподобным) явлениям, что дало повод охарактеризовать современное общество как постсекулярное. Эпоха постсекулярности характеризуется тем, что «в каком-то смысле, все может быть религией» [12, с. 105].

Новая религиозность информационного общества строится на смещение границ мирского и сакрального: часто то, что считалось обыденным, может сакрализироваться, а то, что почиталось как святое, десакрализуется. Этот процесс в определенной степени затрагивает и паломническую традицию.

В современном мире десакрализация паломничества может возникать не только вследствие субъективных причин: как в том случае, когда паломник излишне сосредотачивается («фиксируется», словами Д. Н. Замятина) на внешних признаках пути или теряет мотивацию совершения паломнического подвига. Десакрализация странническо-паломнической традиции в информационном обществе обуславливается, прежде всего, объективными глобальными причинами, одной из которых становится оформление нового типа пространства — виртуального. Разумеется, понятие виртуального пространства гораздо шире, чем представление о продукции электронных технологий: оно часто применяется в общем к пластическим искусствам. Однако в рамках данной статьи мы сосредотачиваемся на понимании виртуального пространства именно как модели

искусственной электронной реальности, в границах которой осуществляется качественно новый вид пространственного перемещения. Так, можно посетить различные религиозные центры, не выходя из дома: разработаны виртуальные экскурсии по храмам, соборам, мечетям (например, по собору св. Петра в Риме, мечетям Стамбула и др.), сняты фильмы о всех главных святынях мировых религий с подробным описанием паломнического ритуала.

Другой объективной причиной десакрализации паломничества стал факт изменения его статуса. Современное глобальное общество немислимо без путешествия. Высокая мобильность современного человека — это требование новых цивилизационных условий, что наглядно отразилось в становлении феномена туризма. Высокая популярность туризма в современном информационном обществе объясняется тем, что сам туризм представляет собой «информационно насыщенную деятельность, почти полностью зависящую от изображений, описаний, средств коммуникаций и передачи информации» [13, с. 287–292], а туристическая индустрия, таким образом, производит не просто один из продуктов сферы услуг, а особый тип социальной реальности, глубоко интегрированной с виртуальной реальностью [14, с. 60–64].

В современном обществе паломничество рассматривается в рамках религиозного туризма, как один из видов этого направления туристкой деятельности наряду с экскурсионным туризмом религиозной тематики. Подобное уравнивание паломничества, имеющего глубокий духовный смысл, с обычным туристским продуктом полностью меняет восприятие паломнической традиции современным человеком. Исследователи отмечают [15, с. 150; 16, с. 7–8], что «религиозный смысл паломничества как поклонения святыням оказался в наше время серьезно «размыт» и почти вытеснен «туристическими интерпретациями» путешествия к святыням с культурно-познавательными и эстетическими целями».

Некоторые специалисты (М. В. Силантьева, С. Ю. Житенев и др.) категорически разводят и даже противопоставляют эти два вида: религиозный туризм и религиозное паломничество. Так, для М. В. Силантьевой основанием такого разделения становится наличие вертикального перемещения (трансценденции), обращения к Богу, дополняющего горизонтальное, пространственное перемещение в паломничестве [15, с. 154].

Здесь необходимо отметить, что попытка провести такую четкую демаркационную линию крайне сложна, потому что помимо паломничества и познавательного туризма религиозной направленности появляется огромное количество промежуточных видов, существование которых определяется спецификой новой религиозности. Так, исследователи выделяют «светское паломничество» [7, с. 18–22, 15, с. 157; 16, с. 50–77], которое основывается на светских ритуалах, имеющих общественно-культурное, политическое значение, а также значение для различных субкультур (молодёжных, профессиональных и т.д.). Однако помимо «светского паломничества» в настоящий момент оформляется и активно развивается еще один вид туристкой деятельности, определяемый новым типом религиозного сознания.

Отличительной особенностью нового вида религиозного туризма становится интерес индивида к нетрадиционной (неорганичной) для его культуры религии. При этом очевидно, что под понятие «нетрадиционные/неорганичные»

религии здесь попадают не только новые религиозные движения или секты: но и различные древние религиозные культуры, которые воспринимаются как экзотика. В условиях постсекулярной религиозности наблюдается не просто стремление познакомиться с посторонней религией, но претензия на приобретение к ней через посещение святых, культовых мест и совершение ритуальных практик.

Широкое, но поверхностное знакомство с различными религиозными культурами с помощью средств массовой информации и коммуникации, произведений массовой культуры и вояжей в экзотические страны привело к трансформации религиозных потребностей. Религиозные представления современного человека не обладают целостностью и системностью, зачастую, как мы уже отмечали, они строятся на активном мифотворчестве. Современные люди, писал М. Элиаде, «завалены ворохом магико-религиозных представлений, искаженных до карикатурного состояния, а потому и плохо узнаваемых...» [2, с. 128].

В основном в рамках нового вида туризма продвигаются поездки с целью освоения различных духовных практик (например, цигун, йоги, разнообразных медитаций, шаманских техник и т.д.), а также посещения так называемых «мест силы» (особых зон, «влияющих на энергетику живых существ»). Главная цель совершения таких поездок – получение психотерапевтического эффекта или, словами Т. Т. Христовой, «помочь человеку в решении его проблем, а также в его духовном и нравственном самосовершенствовании, познании своей внутренней духовной природы» и, как итог, решение проблем со здоровьем, потому что «болезни являются следствием нарушения гармонии энергий человека и Вселенной» [17, с. 12–13]. Таким образом, мы видим, что в новом виде религиозного туризма основной акцент делается не только на религиозную составляющую, но и на получение лечебного эффекта (что объясняется приоритетом витальных ценностей в современном обществе). Это сближает данный вид религиозного туризма с лечебно-оздоровительным и спортивным туризмом. Но также именно данный вид туризма становится опасным фактором дискредитации традиционных культов. В качестве примеров можно вспомнить организацию йога-туров на Соловках [18] и т.п.

Нам представляется неправомерным, как это делает, например, Т. Т. Христов (а за ним и некоторые другие исследователи), полагать описываемый здесь новый вид туристской деятельности разновидностью паломничества и называть его «духовно-паломническим» [17, с. 12]. На наш взгляд, в этих поездках зачастую наблюдается лишь поверхностное знакомство с религиозной традицией современных любителей экзотики. Существует еще одно название для этого вида туризма, активно используемое компаниями, организующими подобный отдых – «эзотерический туризм». Данное название также не отражает сути изучаемого явления (ведь, эзотеризм – это учение, позволяющие судить об истине только посвященным), поскольку данный вид туризма носит массовый характер.

Изучая данный феномен, мы уже предлагали название «религиозно-симуляционный туризм» [19, с. 112–116]. Надо отметить, что данное понятие также не лишено недостатков, характерных, впрочем, для всех феноменов религиозной жизни. И его введение может повлечь за собой критику, основанную на неопределенности дефиниций «религиозный» и «симуляционный». Однако есть

и некоторые преимущества в использования данного понятия: во-первых, оно позволяет полностью дистанцироваться от понятия паломничества; во-вторых, становится возможным классифицировать значительную часть поездок с псевдорелигиозными, эзотерическими и даже деловыми целями. Так, к этой категории туризма можно отнести и путешествия представителей восточных культур в традиционные христианские паломнические центры, и некоторые мероприятия молодёжных субкультур («хиппи-турне», фестивали ролевиков), и даже некоторые выездные семинары компаний, занимающихся сетевым маркетингом и т.д.

Таким образом, мы видим, что в условиях современного общества и порождаемой им новой религиозности формируются качественно новые виды религиозных путешествий («светское паломничество», «религиозно-симуляционный туризм»), которые могут свободно трансформироваться и сращиваться друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАРАННИКОВ В. П., МАТРОНИНА Л. Ф. **Динамика религиозности в информационном обществе** // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 102–107.
2. ЭЛИАДЕ М. **Священное и мирское**. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
3. ЗАМЯТИН Д. Н. **Феноменология географических образов** // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12–21.
4. ПОДРОГА В. А. **Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор Фридрих Ницше Мартин Хайдеггер Марсель Пруст Франц Кафка**. М.: Ad Marginem, 1995. 427 с.
5. ФУКО М. **Другие пространства** // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191–205.
6. ЗАМЯТИН Д. Н. **Пространство и движение** // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 20–29.
7. КАЛУЖНИКОВА Е. А. **Паломничество как ритуал: сущность и культурно-исторические типы**: Автореф. дис. ... канд. культур. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
8. БУРХАНОВ Р. А. **Странничество на Руси: философско-антропологические и социально-культурные смыслы** // Вестник Нижневартского государственного университета. 2012. № 3. С. 3–10.
9. ЗИМИН А. (ПРОТОИЕРЕЙ) **Значение православного паломничества в жизни Церкви** // Уфимские епархиальные ведомости. 2008. № 5. С. 7–8.
10. БАЕВА Л. В. **Экзистенциальные риски информационной эпохи** // Информационное общество. 2013. № 3. С. 18–26.
11. **К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО**. Париж: UNESCO, 2005. 239 с.
12. КЫРЛЕЖЕВ А. **Постсекулярное: краткая интерпретация** // Логос. 2003. № 3. С. 100–106.
13. ДРЯГАЛОВ В. С., ТОПЧИЕВ М. С. **Влияние информационного общества на развитие туризма** // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 2817–292.
14. ДУСЕНКО С. В. **Социальное пространство туризма в информационном обществе** // Информационное общество. 2014. № 4. С. 60–64.
15. СИЛАНТЬЕВА М. В. **Духовный смысл православного паломничества в эпоху глобализации** // Паломничество и религиозный туризм: многообразие интерпретаций. Сборник научных статей. – Владимир: Издательство ВлГУ, 2012. С. 150–173.
16. ЖИТЕНЕВ С. Ю. **Религиозное паломничество: межкультурные коммуникации и цивилизационный контекст**. Автореф. дис. ... канд. культур. н. М., 2011. 24 с.
17. ХРИСТОВ Т. Т. **Религиозный туризм**. М.: Академия, 2008. 288 с.
18. СТОЛЯРОВ В. **Соловецкое наследие и «эзотерический туризм»**. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-vestnik.ru/analytics/solovetskoe_nasledie_i_3020/?m=print (дата обращения 12.07.2016)
19. ФЕДОРОВА М. В. **Религиозный туризм в современном глобальном мире** // Успехи современной науки. 2017. № 3. Т. 8. С. 112–116.

Abstracts

ERSHOVA Tatiana Viktorovna
*Candidate of Economic Sciences;
Director, National Center for
Digital Economy, Lomonosov
Moscow State University,
Editor-in Chief, Information
Society Journal*

Key Competences for the Digital Economy

The problem of rethinking the content of education under conditions of massive digital transformation is discussed. The necessity of supplementing the basic professional or fundamental education with 'super professional' skills for an individual's successful self-realization in a rapidly changing and technological world is substantiated. The approaches to the systematization of the skills needed for the digital economy are analyzed. A framework for the development of such skills is proposed.

KEY WORDS
human capital, education, competence, skills, competence approach, digital economy

ZIVA Svetlana Valeryevna
*Researcher, National Center for
Digital Economy, Lomonosov
Moscow State University
Abstract*

Not to Fall Behind in Development: Russia and Mathematical Education in the Information Society

In the modern world, any nation that wants to keep pace with development of its neighbors must have an adequate education system to prepare specialists for a new digital economy. Nowadays, the most popular is STEM (science, technology, engineering and math) education, which is based on mathematics. The article analyzes the level of mathematical education and science in Russia. Main problems of STEM education in Russia and government support for it are considered. The conclusion is made on the necessity to coordinate government support to STEM education and actions on creation of comfortable conditions for doing business, new jobs for young professionals and increase the prestige of the profession of a scientist in Russia.

KEY WORDS
mathematics; STEM; education; universities; schools; science.

MALAKHOV Vadim Aleksandrovich
*Candidate of Historical
Sciences; Senior Researcher,
Russian Research Institute of
Economics, Policy and Law in
Science and Technology*

BUNDIN Yury Ivanovich
*Candidate of Legal Sciences;
Assistant to the Rector, Associate
Professor of the Center for
Innovative Educational Projects,
Stieglitz Saint-Petersburg State
Art and Industrial Academy*

Prognostics of Alexander Panarin: Transcendental Cultural Categories and the Global Cognitive Continuum

Culture as a cumulative expression of the historical experience of civilizational development in its material and spiritual forms, reflecting the traditional value system, is a key element in the introduction of the human dimension into the mechanism for constructing a global cognitive continuum. The potential of culture, existing as a priori cultural category at the level of archetypes of the collective unconscious, included in information processes, ensures the unity of assessments and the consistency of the approaches of different countries in the choice of goals, ways and means of civilizational development.

KEY WORDS
information society, culture, civilization, development, cognitive continuum.

MOLCHANOVA Olga Ilyinichna
Candidate of Pedagogical Sciences; Associate Professor of the Department of International Relations, Mediaology, Political Science and History, Saint-Petersburg State Economic University

Media Convergence as a Process of Integration of Media Innovations in the Networking Community

This article discusses the theme of media convergence in the social aspect. The aim of the study is to identify trends, problems and prospects of this unique phenomenon. Research methodology was based on a synthesis of theoretical and practical material, structuring the available information and expert assessment method, which allowed us to obtain data to justify the conclusions of the study on media convergence as the integration of media innovations in online community. As the result of media convergence, the three emerging trends can be identified: multimedia product, hypertextuality and new media. New media have created and continue to shape social communication model. Media innovations lead to new forms and ways of presenting information, influencing its perception, thinking of its consumers, updating the social aspect of the media convergence processes.

KEY WORDS
media convergence, integration of media innovations, new media, multimedia, hypertextuality, interactivity.

YEPHANOV Alexander Alexandrovich
Candidate of sociological sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations and Journalism, Orenburg State University

Information TV Programs in the Format of “Breaking News”: Composition, Technology and Peculiarities of Media Perception

The scientific understanding of “breaking news” as a special format of information programs on television is studied in the article. In terms of composition, the informational TV programs in the format of “breaking news” are built on the principle of narrative. In their discursive strategies, journalists combine direct “hard” information and rhetoric of grief. The results of the author’s online survey «“Breaking news”: Phenomenon of media perception» (n=400) confirmed that the audience mostly concerned and worried by the news about emergency incidents. At the same time, information on such incidents is sought by respondents through television. As for the social effects of news in the format of “breaking news”, the majority of respondents described their reactions as horror. Such strong reactions arise in the result of operating the infothrilling technology.

KEY WORDS
breaking news, television, information TV programs, media perception, infothrilling.

DMITRIK Nikolay Andreevich
Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Legal Regulation of the Digital Economy, National Center for Digital Economy, Lomonosov Moscow State University

Limits of Legal Regulation in the Digital Age

The article reveals and examines four groups of factors forming limits of governmental regulation of social relationships. These limits include uniformity of regulated relationships; perceptibility of rules established by such regulation; territorial borders; private life. Denial of such limits by the widely spread doctrine of positivism causes serious problems in regulation of digital economy in Russia. The article contains recommendations on how to overcome the emerging problems by keeping the balance of interests of the parties involved.

KEY WORDS
limits of legal regulation, mechanism of legal regulation, personal data, privacy protection, positivism doctrine.

**GOLDREER Michael
Markovich**

*Deputy Director, Volograd
Center for Anthropometric
(Orthopedic) Cosmetology and
Correction*

Adaptive contextual-thematic machine translation

This article describes the history and advantages of future application of the invention called "Adaptive contextual-thematic machine translation" (patent No. 2628202). The features and advantages of this technique are demonstrated.

KEY WORDS

foreign languages,
translations, contextual-
thematic translation, patents.

**FEDOROVA Marina
Vladimirovna**

*Candidate of Philosophical
Sciences; Associate Professor of
the Department of Philosophy,
Sociology and Theory of Social
Communication, Dobrolyubov
Nizhny Novgorod State
Linguistic University*

Pilgrimage and Religious Tourism in the Information Society

This article considers the state of the pilgrim tradition and religious tourism in the information society. Formed in new civilizational conditions, a new type of religiosity deforms the pilgrimage tradition and includes it in the sphere of tourist industry. In addition to changing the status of pilgrimage in the information society, new types of religious tourism are formed. This article offers an analysis of one of them, which we propose to call "religious and simulation tourism".

KEY WORDS

information society, new
religiosity, pilgrimage,
religious tourism, secular
pilgrimage, esoteric tourism,
religious-simulation tourism.

Наши авторы

**БУНДИН Юрий
Иванович**

Кандидат юридических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, помощник ректора, доцент Центра инновационных образовательных проектов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица

yibundin@yandex.ru

В 1974 году окончил Ленинградский механический институт по специальности «системы автоматического управления». Специализируется на системных междисциплинарных исследованиях вопросов культуры и искусства. Сфера научных интересов: философия культуры, теория и история искусства, художественное образование, правовое регулирование сферы культуры и искусства, информационное и экспертно-аналитическое обеспечение процессов управления. Член Союза писателей России, член Ассоциации искусствоведов.

**ГОЛЬДРЕЕР
Михаил Маркович**

Заместитель директора Волгоградского Центра антропометрической (ортопедической) косметологии и коррекции

mg@rucosm.ru

В 1968 г. закончил среднюю школу и начал работать слесарем на заводе синтетического каучука в г. Волжском. С ноября 1968 по ноябрь 1970 г. служил в армии. После окончания МИИТа в 1976 г. по специальности «инженер-электрик по автоматике и телемеханике в промышленности» (техническая кибернетика) был распределен на Волжский трубный завод, где работал на рабочих и инженерно-технических должностях до 1994 г. С мая 1990 г. по октябрь 1993 г. был депутатом Волжского городского Совета народных депутатов. В 1987 г. увлекся идеей хирургического удлинения ног взрослым здоровым людям по технологии академика Илизарова с целью косметического улучшения пропорций тела. Обращался с этой идеей как непосредственно в Курганский центр, так и к другим хирургам-ортопедам, но поддержки не находил. В марте 1992 г. познакомился и предложил эту идею волгоградскому хирургу-ортопеду, кандидату медицинских наук Михаилу Егорову и кандидату медицинских наук, одному из первых учеников Илизарова, Анатолию Каплунову. Врачи идею поддержали, операция была сделана в Волгоградском городском центре травматологии и ортопедии в марте того же года; в марте 1993 г. выписался из клиники, голени ног после операции удлинились на 6 см. 14 ноября 1992 г. в газете «Известия» была опубликована статья Сергея Лескова об этом эксперименте «Терминатор-3 живёт в России». С 1994 г. после увольнения с трубного завода занимался только дальнейшим продвижением своей идеи с целью организации центра, который удлинял бы и выпрямлял ноги всем желающим здоровым взрослым людям. В 1998 г. совместно с докторами Егоровым и Бариновым стал учредителем Центра антропометрической (ортопедической) косметологии и коррекции, который в настоящее время на клинической базе Волгоградского областного госпиталя делает пациентам со всего мира операции по удлинению и выпрямлению ног, а также по собственной, запатентованной докторами Егоровым и Шатовым технологии хирургически убирает последствия поперечного плоскостопия, попросту говоря «шишки» или «косточки» у больших пальцев ног. Автор большого количества регулярных публикаций в центральных газетах и журналах России на различные темы. Автор большого количества регулярных публикаций в центральных газетах и журналах России на различные темы.

**ДМИТРИК Николай
Андреевич**

Кандидат юридических наук, руководитель департамента правового регулирования цифровой экономики Национального центра цифровой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

В 2003 году закончил с отличием юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (специализация — Гражданское право). В 2003–2006 годах обучался в аспирантуре юридического факультета (научный руководитель — профессор, д. ю. н. Шерстобитов А. Е.). В 2005 году проходил докторскую стажировку на кафедре европейского права Университета Регенсбурга (ФРГ) по тематике информационного общества. В 2007 году защитил кандидатскую диссертацию на тему "Способы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей с использованием сети Интернет". В 2006–2012 годах находился на государственной службе в Правовом департаменте Мининформсвязи России (с 2008 года — Минкомсвязи России), где принимал активное участие в разработке законодательства об электронной подписи, персональных данных, электронных государственных услугах, информации, информатизации и защиты информации. В 2012–2016 годах — руководитель отдела правового консалтинга, партнер российской консалтинговой фирмы ParkMedia Consulting.

dmitric@mail.ru

**ЕРШОВА Татьяна
Викторовна**

Кандидат экономических наук; директор Национального центра цифровой экономики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза и Высшие библиотечные курсы при Российской государственной библиотеке (РГБ), повышала профессиональную квалификацию во многих странах мира. Специалист в области стратегического планирования, управления крупными учреждениями и проектами. Активный участник целого ряда общественных и профессиональных организаций. В течение ряда лет была членом международных жюри глобальных конкурсов проектов по использованию ИКТ для развития «Stockholm Challenge» и «Global Junior Challenge», до настоящего времени является членом группы советников высокого уровня Глобального альянса по ИКТ и развитию, инициированного Генеральным секретарем ООН в 2006 г. В 2009–2012 гг. возглавляла экспертную секцию экспертно-консультативной группы Совета при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в РФ. Активный участник мероприятий Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества.

Учредитель и генеральный директор (1998–2017) Института развития информационного общества. С 2009 г. — главный редактор научно-аналитического журнала «Информационное общество». Автор более 150 публикаций в профессиональных изданиях (отечественных, зарубежных и международных) по проблемам библиотечного дела и развития информационного общества. Член Союза журналистов России и Международного союза журналистов.

tatiana.ershova@digital.msu.ru

**ЕФАНОВ
Александр
Александрович**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

В 2016 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему: «Моральные паники как фактор социальных изменений». В 2018 году вышла в свет фундаментальная работа автора — монография «Социально-психологические последствия медиавоздействия». Специалист в области социологии массовых коммуникаций. Сфера научных интересов: влияние СМИ на массовое сознание, технологии медиаманипулирования; история, теория и практика телевидения; политическая коммуникация.

yefanoff_g1@mail.ru

**ЗИВА Светлана
Валерьевна**

Руководитель департамента информационно-технического развития Национального центра цифровой экономики МГУ имени М. В. Ломоносова
Окончила факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК) МГУ имени М. В. Ломоносова. По окончании университета работала в должности младшего научного сотрудника, затем — на руководящих должностях в сфере ИТ-обучения. Руководила рядом проектов по краткосрочному обучению в крупных компаниях с территориальным распределением (Связьинвест, Energy Consulting, Hewlett-Packard). Активное участие в некоммерческом партнерстве «ITSMForum Russia», развивающем принципы ITIL ((IT Infrastructure Library) на территории России отмечено благодарностями (2009, 2012) за сотрудничество, способствующее успешному развитию теории и практики управления ИТ-услугами, процессами в России.
В МГУ работает с апреля 2007 г., отвечает за привлечение новых курсов и направлений обучения для Учебного центра ВМК МГУ и за продвижение услуг, предоставляемых Учебным центром, факультетом ВМК в целом, Национальным центром цифровой экономики. В 2015 году окончила аспирантуру философского факультета МГУ.
С 2009 года преподает авторский курс «Телекоммуникационные и компьютерные технологии в связях с общественностью» для студентов V курса философского факультета МГУ. Для студентов ВМК преподает авторский спецкурс «Управление проектами и информационными рисками». Область интересов: развитие личности и образование в век цифровой экономики, процессный и проектный подход к организации работы, в частности, управление ИТ-процессами на предприятии; управление проектами.

ziva@cs.msu.ru

**МАЛАХОВ Вадим
Александрович**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП)
В 2008 г. окончил специалитет РГУ (специальность — историк-архивист), в 2010 г. закончил магистратуру по специальности «магистр истории». В 2016 г. защитил степень кандидата исторических наук.
В 2014–2015 гг. работал в ИСИЭЗ ВШЭ (стажер-исследователь), с 2016 г. работаю в РИЭПП старшим научным сотрудником.
Область научных интересов: научно-техническая политика, международный опыт управления наукой и инновациями, наукометрия, история науки.

malahov@riep.ru

**МОЛЧАНОВА
Ольга Ильинична**

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)
Получив в 1987 году филологическое образование, в течение многих лет работала в сфере журналистики, была редактором газеты, работала на телевидении, до сегодняшнего времени сотрудничает с некоторыми деловыми изданиями Петербурга. С 1999 года является членом Союза журналистов России. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию. Последние 11 лет работает в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете. В настоящее время является доцентом кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории. В круг ее научных интересов входят темы по теории и практике журналистики, в частности, проводится исследование процессов медиаконвергенции и управления ими.

moi.2012@bk.ru

ФЕДОРОВА
Марина
Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова», Нижний Новгород

marafed2204@mail.ru

Живет и работает в Нижнем Новгороде. В 2001 году закончила Нижегородский государственный педагогический университет по специальности «история», в 2004 году защитила диссертацию на соискание кандидатской степени по специальности 09.00.03 — история философии. С 2004 года по настоящее время работает в должности доцента на кафедре философии, социологии и теории социальной коммуникации в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова. Кафедра является выпускающей для таких направлений подготовки, как «Туризм», «Реклама и связи с общественностью». Круг научных интересов — история философии, философия религии, религиоведение, паломническая и туристская деятельность. В настоящее время работает над докторской диссертацией.